

На правах рукописи

Идиатуллов Азат Корбангалиевич

**ДИНАМИКА РЕЛИГИОЗНОГО СИНКРЕТИЗМА СУННИТОВ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ
В XX – НАЧАЛЕ XXI В.**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Чебоксары – 2019

Работа выполнена на кафедре археологии, этнографии и региональной истории федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова»

Научный консультант:

доктор исторических наук, профессор
Таймасов Леонид Александрович

Официальные оппоненты

Губогло Михаил Николаевич,
доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Центр по изучению межнациональных отношений, заведующий

Мокшина Елена Николаевна,
доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва», кафедра истории России, профессор

Садиков Ранус Рафикович,
доктор исторических наук, институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, отдел этнографии, главный научный сотрудник

Ведущая организация

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Защита состоится 26 апреля 2019 г. в 10.00 часов на заседании объединенного диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 999.173.02, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова», федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Марийский государственный университет», по адресу: 428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38 (учебный корпус № 3), зал заседаний ученого совета, к. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова по адресу: 428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38 и на сайте www.chuvsu.ru.

Автореферат разослан 25 февраля 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Данилов Андрей Анатольевич

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что религия играет всё большую роль в самосознании народов России. Отсюда возникает необходимость нового рассмотрения проблем межконфессиональных отношений в рамках конкретных регионов, возникших и развившихся в ходе сложных многовековых взаимодействий народов, языков, культур. В основе подобных подходов должны лежать историческая, культурная равнозначность региональных форм ислама в рамках глобальной мусульманской общины; признание территориальных специфик как необходимого атрибута мусульманства; идея общности и равноценности этносов, являющихся неразделимой частью единой исламской «семьи».

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена рядом факторов. *Во-первых*, эпохальные перемены, произошедшие в Российской Федерации на рубеже веков: распад СССР, стремительные изменения экономических и социальных структур, обретение новых прав, культ свободы, крушение многих привычных форм организации общества – привели к исчезновению и эволюции старых и постепенному возникновению качественно новых мировоззренческих установок, особенно среди молодёжи. В условиях кризиса значительная часть общества переживала коллективные и индивидуальные потрясения, которые подталкивали отдельных индивидов к необходимости духовных и религиозных поисков. Подобные события не могли не вызвать подлинного научного интереса исследователей к мировоззрению этносов в постсоветский период, в том числе в контексте проблемы религиозного синкретизма. *Во-вторых*, в современных переломных условиях в различных сферах жизнедеятельности общества возникает необходимость переосмысления подходов к исследованию религиозности народов России. Познание взаимосвязанности и взаимообусловленности различных компонентов (исламского, неоязыческого, атеистического, православного) религиозной жизни представителей башкирского, татарского и родственных им этносов помогает понять общие тенденции в процессе религиозного возрождения в нашей стране. *В-третьих*, в Российском государстве, представляющем уникальную мозаику народов и культур, конфессиональный вопрос остается среди основных, оказывающих заметное воздействие на современные этнополитические процессы. Распад СССР и последовавшие социально-экономические и общественно-политические преобразования вызвали активизацию национально-культурных движений, актуализировали вопросы межэтнических и межконфессиональных отношений. Изучение религиозного синкретизма татар и башкир, несомненно, позволит расширить диапазон научных знаний в области этнологии и религиоведения, учесть исторический опыт при реализации современной государственной национальной и религиозной политики.

Объект исследования – сунниты Среднего Поволжья и Приуралья. **Предметом исследования** выбраны синкретичные структуры в мировоззрении суннитов и периоды их формирования. Взаимодействие таких элементов, как: 1) язычество (архаичные культы); 2) мусульманство; 3) нетрадиционные для изучаемых народов культы, обряды, заимствованные из православия, атеизма, неоязычества, буддизма и т. п. привело к формированию комплексов, в которых переплелись разнородные представления. Очевидно, что они оформились у изучаемых народов в определенные исторические периоды и в конкретных этногеографических областях, которые также можно определить как предмет исследования.

Хронологические рамки диссертации – XX – начало XXI вв. – обусловлены объективными особенностями данного периода, связанными с взаимоотношениями власти и мусульманского сообщества в целом.

Первый этап – 1900–1917 гг. – связан с беспрецедентным мечетным строительством и усилением роли мусульманской общины, ускоренными манифестами от 26 февраля 1903 г. и 17 октября 1905 г. Самый длительный этап – 1918–1988 гг. – несмотря на все неровности, характеризовался конфронтацией власти и ислама. Конец 1980-х – начало 1990-х гг., хотя и обозначился кардинальной сменой государственно-конфессиональных отношений и общей либерализацией духовной сферы, тем не менее, был лишён некоторой неопределённости религиозной жизни на государственном, общественном и личностном уровнях. В последние годы, предшествующие распаду СССР, наблюдалась тенденция политизации и радикализации ислама, особенно на Северном Кавказе, отчасти в Татарстане, что нашло своё отражение в борьбе традиционных мусульман и салафитов (суннитского фундаментализма). Наконец, 2000-е гг. и особенно начало 2010-х гг. следует считать этапом переосмысления накопившегося опыта предыдущих периодов и поиска новых, наиболее адекватных оценок религиозного мировоззрения в конкретных этнических группах и обществе в целом.

Территориальные рамки исследования определены Средним Поволжьем и Приуральем, испытавшим сильное влияние тюркской и исламской культур. Современные административно-территориальные единицы данного региона также близки в социально-экономическом, культурном и политическом планах. Ульяновская, Самарская, Пензенская области, Татарстан и Башкортостан входят в Приволжский федеральный округ (ПФО). Другие субъекты округа также были рассмотрены в рамках этнологического сравнительного метода.

Наиболее многочисленными суннитскими народами Среднего Поволжья и Приуралья являются татары и башкиры, которые расселены в его пределах неравномерно. По доле и численности татар и башкир явно выделяются республики Татарстан и Башкортостан.

Среднее Поволжье и Приуралье представляет собой один из самых многонациональных и многоконфессиональных этнокультурных образова-

ний страны. Многовековые взаимоотношения татар и башкир с русскими, чувашами, мордвой, марийцами, удмуртами создали неповторимую этнокультурную мозаику, определившую специфику религиозности проживающих здесь народов. Среднее Поволжье и Приуралье уникально также и тем, что представляет собой известное в этнографической науке татаро-башкирское пограничье, в пределах которого решаются проблемы происхождения и эволюции тептярей и мишарей, ассимиляции башкир.

Территориальные рамки включают несколько уровней. Первый – макроуровень – связан с выяснением соотношения глобальных систем (например, ислама и православия). Второй – мезоуровень – обусловлен исследованием крупных этнотерриториальных и этноконфессиональных групп в пределах России, в том числе близких по религии и культуре к татарам и башкирам, например, тюркских народов Северо-Западного Кавказа, в которых ислам и оказавшиеся под его влиянием языческие и традиционные представления развивались одновременно и автономно. Активное вовлечение материалов по религиозному синкретизму карачаевцев оправданно, так как оно позволило максимально рельефно выделить специфические черты религиозности татар и башкир, а также помогло вскрыть общие мотивы в религиозной жизни мусульманских народов. Третий – микроуровень – выделяется нами с целью изучения пространства жизни конкретных этнических и этнотерриториальных групп (например, татар и башкир в г. Уфе), а также различий в религиозной жизни, возникающих в зависимости от класса и положения того или иного населенного пункта. Исследование можно охарактеризовать как этноурбанистическое, потому что именно поликультурные города представляют собой поле колоссальных возможностей для новообразований в религиозной сфере. Города с прилегающими территориями настолько различаются, что их можно считать вполне достоверной моделью, в рамках которой, как в фокусе, соединились вышеназванные макро-, мезо- и микроуровни. Выбор Казани и Уфы детерминируется особым статусом этих городов в государстве, в регионе и в духовной жизни. Роднит их то, что они являются столицами многонациональных республик, которые считаются оплотами ислама в пространствах северной Европы. Кроме того, в них наблюдается приблизительное равенство по численности народов, традиционно исповедующих ислам и православие. Казань и Уфа являются городами-миллионерами, следовательно, испытывают на себе максимальное влияние массовой, транснациональной и общероссийской культур, что в конечном итоге определяет сильную аккультурацию проживающих в них народов. В г. Ульяновске доминируют этносы, традиционно исповедующие православие, а в г. Карачаевске – сунниты.

Таким образом, имеющиеся исторические, социально-экономические, этнографические и культурные различия между изучаемыми регионами позволяют провести максимально детальный, объективный анализ массового сознания суннитов.

Степень разработанности проблемы. В историографии религиозности суннитов выделяются три периода: дореволюционный, советский и постсоветский.

Дореволюционные работы можно охарактеризовать в целом как описательные. Тем не менее, в работах, записях, публикациях, выполненных представителями данного круга учёных, присутствует изрядная доля информативности, содержательности, которые в целом создают полную, живую картину народных суеверий, примет, поверий, анимистических представлений и пережитков некоторых доисламских обрядов, актуальных и по сей день. В *советский период* серьёзным фактором, оказавшим влияние на специфику публикаций, посвященных мировоззрению татар и башкир, оказала антирелигиозная политика советского правительства. Исламская составляющая их духовной культуры оказалась на долгое время в тени внимания этнографов. Языческие культы суннитов Среднего Поволжья и Приуралья, а также тюрков Северного Кавказа рассматривались многими ведущими этнографами того времени. Отрадно, что в публикациях советских этнографов выделены главные синкретичные элементы религиозного мировоззрения, предпринята попытка объяснить происхождение отдельных представлений, исследованы возможные пути воздействия на религиозное мировоззрение татар и башкир идей и представлений других народов России. Однако, говоря о работах советского периода, необходимо указать на один существенный недостаток, присущий большинству из них, – обособленность язычества, которое представляется нашему взору очищенным от всякого исламского влияния. Наиболее выдающихся результатов в исследовании религиозного синкретизма мусульманских народов достигли учёные, анализирувавшие культуру среднеазиатских тюрков. Базируясь на богатой источниковой базе и системном подходе, они вскрыли механизмы синкретизации религий в данном регионе. В *постсоветский период* вопросы ислама и мировоззрения всё чаще изучаются с качественно новых методологических позиций. Исследуется не только само мусульманство как религия. Этнографы и исламоведы стремятся анализировать ислам в более широком контексте. В частности, рассматриваются взаимоотношения ислама с общественными, политико-правовыми, юридическими, социально-экономическими системами. Широкое освещение в исторической литературе получила проблема религиозной жизни мусульманских народов в советский и дореволюционный периоды, что было вызвано интересом к процессу исламского возрождения.

Целью диссертационного исследования является комплексное изучение динамики взаимовлияния, взаимопроникновения и взаимодействия разнородных религиозных культов, обрядов и представлений суннитов Среднего Поволжья и Приуралья.

Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Изучить эволюцию религиозности татар и башкир в Среднем Поволжье и Приуралье.

2. Проанализировать специфику общей религиозной ситуации в изучаемых регионах (религиозная политика местных властей, взаимоотношения между конфессиями и этносами, состояние и деятельность исламских институтов).

3. Исследовать степень религиозности и уровень религиозной культуры в разных возрастных группах исследуемых этносов.

4. Проанализировать гендерные различия в религиозности мусульман, особенности традиционной и нетрадиционной религиозности на примере исламских народов.

5. Охарактеризовать синкретичные религиозные представления в системе современной семейной и индивидуальной обрядности татар и башкир.

6. Выявить степень сохранности и функционирования основных форм «исламизированного» шаманства в среде суннитов Среднего Поволжья и Приуралья.

7. Изучить распространение новых исламских движений («молодёжного ислама») в среде изучаемых народов.

8. Определить и проанализировать пять групп суннитов, а также их взаимоотношения между собой: 1) «номинальные», или «этнические», мусульмане; 2) «реальные», или практикующие, мусульмане; 3) «переходная» группа; 4) «внеконфессиональная» группа; 5) «неисламская» группа.

Источниковая база диссертации представляет собой комплекс этнографических, исторических и фольклорных источников, которые по происхождению и информативному содержанию можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют официальные документы и законодательные акты, которые помогли изучить специфику религиозной ситуации в отдельных регионах и выявить наиболее общие направления конфессиональной политики советского и российского правительства. *Вторую группу* образуют заметки исследователей, краеведов. Несмотря на то, что они требуют критического рассмотрения из-за своей субъективности и отсутствия чёткой методологической базы, их роль в нашем исследовании стоит оценить как весьма значительную, прежде всего в силу того массива фактологических данных, которые они содержат. *Третья группа* представлена материалами периодической печати, в которых содержатся сведения о религиозной обрядности татар и башкир в XVIII–XXI вв., расширении влияния внеконфессиональных представлений среди суннитов в конце XX – начале XXI вв., специфике религиозности татар и башкир в советский и постсоветский периоды. В *четвёртую группу* вошли многочисленные справочные издания, которые применялись для анализа общего и особенного в религиозной жизни татар и башкир отдельных этнографических областей. К *пятой группе* относятся статистические издания, которые позволили с убедительной достоверностью изучить этническую структуру субъектов ПФО. В *шестой группе* представлены материалы центральных и региональных архивов, ставшие базовым источником для исследования эволюции религиозной

жизни татар и башкир в советский период. *Седьмую группу* составили полевые этнографические, фольклорные и этносоциологические данные, которые позволили выявить синкретичные структуры в религиозности татар и башкир на современном этапе.

Научная новизна диссертационной работы заключается в признании догматического, этнического и регионального равноправия внутри исламского мира, анализе регионального, во многих своих аспектах синкретичного ислама. Такой подход позволил раскрыть механизмы взаимодействия традиционного мировоззрения суннитов Среднего Поволжья и Приуралья с идеями и обрядами нетрадиционных религиозных течений и сект. Впервые в научный оборот введены фольклорные, этнографические и полевые материалы, ранее не анализировавшиеся в рамках исследования религиозности суннитов. Внесён заметный вклад в изучение системы факторов, оказавших влияние на генезис и последующее развитие религиозного мировоззрения суннитов в условиях антирелигиозной политики советского периода и общей либерализации религиозной жизни в конце 1980-х – 2010-е гг. Оригинальным образом раскрыты общие и отличительные особенности религиозного возрождения в регионах Среднего Поволжья и Приуралья. В новом ключе проанализированы теоретические основы религиозного синкретизма суннитов Среднего Поволжья и Приуралья – и шире – всех мусульман России. Впервые выявлены и изучены синкретичные религиозные представления и обряды татар и башкир, их общие и отличительные черты, в том числе в сравнении с другими мусульманскими народами России (например, карачаевцами). На основе новейших данных выяснена степень влияния нетрадиционных религиозных течений на религиозное мировоззрение мусульманских народов в контексте традиционной синкретичной культуры. Впервые проанализирована структура изучаемого предмета и выработана собственная модель синкретизации мировоззрения суннитов Среднего Поволжья и Приуралья, которая определена как взаимосвязь религиозности с этническими, историко-политическими, территориальными, этнодемографическими, половозрастными, личностно-психологическими, социально-экономическими особенностями её носителя.

Указанные положения соответствуют пунктам 2. Классическая дескриптивная этнография; 3. Этническая история; 4. Этнологическое регионоведение; 5. Межэтнические отношения (в том числе конфликты); 8. Этносоциология, этнопсихология, этнополитология Паспорта научной специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология ВАК при Минобрнауки России.

Теоретическая и практическая значимость работы обусловлена научной новизной темы, её комплексным и сравнительно-сопоставительным исследованием. Разработанные положения и выводы способствуют глубокому пониманию религиозного мировоззрения и сознания общества в целом, ментальности суннитских народов, позволяют повысить эффективность научных исследований. Материалы и выводы способствуют осознанию основных причин,

по которым мусульманские народы долгое время сохраняли верность своей религии, живя в иноконфессиональной среде. Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что её результаты можно использовать при проведении конкретных социологических изысканий современного состояния феноменов религиозного характера; при дальнейшей теоретической разработке проблем социологии, этнологии, культурологии, религиоведения, в частности, при изучении процессов, протекающих в сфере общественной идеологии и общественной психологии.

Методология и методы исследования религиозного синкретизма определяются спецификой культуры, мировоззрения, духовной жизни, этнического сознания изучаемых этноконфессиональных групп – татар и башкир, а также в сравнительно-сопоставительном плане – других тюркских и суннитских народов России, например, карачаевцев. Такая зависимость тем более важна, так как перечисленные народы близки и в этнокультурном отношении. Действительно, будучи разрозненными территориально, они продолжают ощущать себя частью единой мусульманской уммы, сплоченной близостью этнических корней и общностью российской истории, культуры и быта. Не стоит забывать и об имеющихся между данными народами различиях как в происхождении, так и в развитии. В связи с этим в работе использовались *сравнительно-исторический, сравнительно-этнографический и сравнительно-географический* методы, которые позволили раскрыть специфические черты религиозной системы исследуемых народов. Методология исследования определяется также спецификой объекта – религиозности, которая представляет собой систему. *Системный метод* использовался при сборе полевых этнографических и фольклорных материалов. Кроме того, применены такие научные методы, как *этносоциологический опрос, непосредственное наблюдение, интервью и анализ архивных материалов*.

Положения, выносимые на защиту:

1. В структуре религиозного синкретизма суннитов Среднего Поволжья и Приуралья выделяются три компонента: архаичные воззрения, мусульманство и нетрадиционные представления. Причём в большей степени в рамках архаичных воззрений сохранились элементы шаманства и магии. Самой распространенной разновидностью религиозного синкретизма среди татар и башкир, так же как и у других суннитов России, например, карачаевцев, является синкретизм ислама и язычества, который проявляется в вере в переселение душ в новое тело, во влияние душ умерших на родственников и всех людей.

2. Ядром слияния архаичных воззрений и мусульманских представлений является «исламизированное» шаманство. Его формирование связано с взаимодействием исламских и шаманских обрядов и представлений. К родственным культам «исламизированного» шаманства у татар, башкир и карачаевцев следует отнести «имлеу» (заговор), «ышану» (суеверие), «быздру / хынэ / зарар» (порча), «китап ачхан / китап ачтыру» (гадание по книге),

«таш салган» (гадание по камням), «тюкергенске / эшкрю» (лечение от болезни мусульманской молитвой), «кюз тигян» (сглаз). В последние годы «исламизированное» шаманство татар и башкир и – шире – магия, являющаяся неотъемлемой частью их религиозности, также эволюционируют, испытывая на себе влияние иноэтничных и инорелигиозных представлений, например, православия, и представлений, связанных с деятельностью новых религиозных движений. К числу последних принадлежат представления об ауре, биополе, медиумах, экстрасенсах.

3. Ключевую роль в сохранении «исламизированного» шаманства суннитов играет женский гендер, который в религиозной культуре татар, башкир и других суннитов России и по сей день выполняет уникальную системообразующую функцию, синтезируя архаичные и исламские представления.

4. Эволюция религиозных синкретичных представлений у суннитов в 1918–2016 гг. проходила в два этапа: 1) эволюция народного ислама, соединяющего язычество и ислам, под воздействием секуляризации и атеизации (1918–1988 гг.); 2) развитие новой религиозности, происходящее на фоне религиозного, в том числе исламского, ренессанса на современном этапе (1989–2016 гг.).

5. Среда советского атеистического общества, которая окружала мусульман в СССР, породила совершенно новую роль ислама в рамках татарской, башкирской, карачаевской и шире – тюрко-суннитской духовной культуры в XX в., чем это было до революции. Преемственность с дореволюционным мусульманством (авторитет духовенства) не была прямой, т. е. не означала, что ислам остался в той же степени ортодоксальным. Татары, башкиры и карачаевцы в этом смысле мало отличались от мусульман других регионов СССР. Народы, исповедующие ислам, трансформировали религию из формальной системы норм и предписаний с предельно догматизированными, общедоступными установками в интимное, глубоко личное религиозное чувство, благодаря чему нормы словно бы лишались социальной доминанты.

6. Верующие в СССР видели в своей религии не цементирующее этнос ядро, а личный выбор каждого конкретного индивида, каждой отдельной семьи. Мусульманство несколько ослабило свои позиции как официальной религии и стало религией внутреннего выбора человека и потому приблизилось к личным установкам номинального мусульманина. Здесь, на личностном уровне, религиозность стала больше подвергаться влиянию культурных элементов извне (языческих и неоязыческих, православных, гностических).

7. Религиозное мировоззрение современных суннитов России, особенно в городах-миллионерах, смешанных поликонфессиональных семьях и среди студенческой молодёжи полисинкретично, и представлено двумя пластами: 1) «народным исламом»; 2) новыми представлениями.

8. Важная роль при формировании новых представлений принадлежит христианским идеям, которые проникают в религиозное мировоззрение татар и башкир в основном из православия. Это, в первую очередь, идея о бо-

жественной природе Иисуса, отношение к праздникам Рождеству и Пасхе как священным, чтение Библии, обращение к православным знахарям, а также единичные примеры перехода татар и башкир в православие, иеговизм и пятидесятничество.

9. В большей степени христианское влияние выражено среди татар Ульяновской и Самарской областей, что объясняется их вековыми контактами с православным населением этих регионов, а также среди башкир, взаимодействие которых с православным населением началось относительно недавно, в связи с чем протекает наиболее активно и сложно. Интенсивному влиянию православных идей на массовое сознание татар Пензенской области и Чувашии препятствует «мобилизационная» религиозность, возникшая на фоне низкой доли татар, а в случае Пензенской области – ещё и более высокой стартовой позиции для ислама в период религиозного ренессанса.

10. Весьма заметно влияние атеистических – и шире – секулярных идей на мировоззрение татар и башкир, значительная часть которых не верят в существование ада и рая, не совершают молитв, считают Иисуса обычной исторической личностью, а не пророком.

11. Сунниты на сегодняшний день не создали более или менее однозначной канвы, в русле которой могло бы быть выработано целостное отношение к суфизму как элементу религиозного мировоззрения. Во многом это объясняется различными течениями самого суфизма, некоторые из которых являются традиционными для российских мусульман (братство накшбандия), в то время как другие, возможно, вовсе представляют собой постсоветские новообразования и имеют мало общего и с суфизмом, и с исламом. В этой связи следует говорить не только о противостоянии суфизма и салафизма, но и о поиске места, которое отводится суфизму в системе «суннизм – традиционный ислам» и – шире – в системе религиозной и духовной культуры суннитов России. Массово суфийская традиция в среде татар и башкир проявляется в так называемых «малых» паломничествах к святым местам, которые чаще всего встречаются среди татар Среднего Поволжья и связаны с почитанием могил суфиев и памятников Волжской Булгарии.

12. Наибольшую первичную исламскую религиозность среди изученных этнотерриториальных групп демонстрируют татары Чувашии и Пензенской области и башкиры Башкортостана, а среди студенческой молодёжи – татары г. Ульяновска, после которых следуют башкиры г. Уфы, татары г. Казани и Уфы, что обусловлено рядом этнокультурных исторических, социально-экономических, демографических показателей. Например, уровень религиозности снижается с ростом численности города и повышением ВРП на душу населения. Кроме того, татары вне пределов Татарстана традиционно демонстрируют высокую степень первичной религиозности, так как являются, как правило, этническим меньшинством в иноэтническом и иноконфессиональном окружении, и оберегание религиозной и конфессиональной идентичности для них важно в плане сохранения этнической самоидентификации. Конфессио-

нальность представителей башкирской национальности выражена рельефнее, чем у исследованных представителей татарской национальности, что детерминируется историческими и этнополитическими факторами.

13. Первичная исламская религиозность татар и башкир уступает религиозности других суннитских (например, карачаевцев), а также иных мусульманских народов России (чеченцев, кумыков, ингушей).

14. В среде татар и башкир, как и у других суннитов России, существует пять групп, которые различаются между собой по степени развития религиозного синкретизма, а также по отношению к исламу и религии вообще.

Степень достоверности и апробация результатов. Основные положения и выводы исследования обсуждались в рамках конференций различных уровней: 1) международных: «Человек в российской повседневности: история и современность» (г. Пенза, 2009 г.); «Общественные науки в современном мире» (г. Новосибирск, 2012 г.); 2) всероссийских: X Конгресс антропологов и этнологов России (г. Москва, 2013 г.), XII Конгресс антропологов и этнологов России (г. Ижевск, 2017 г.), «Полиэтнические регионы России: социально-экономическое развитие в переходные и кризисные периоды» (г. Саранск, 2011 г.), «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв.)» (г. Казань, 2011 г.), «Взаимодействие органов власти, общественных объединений и образовательных учреждений по гармонизации этноконфессиональных и межнациональных отношений» (г. Казань, 2015 г.); 3) региональных. Материалы исследования были использованы в ходе реализации гранта Президента РФ (2012–2013 гг.), гранта РФФИ (проект № 17-11-73601e (p)), государственного задания (№ 31.8018.2017/БЧ), проекта Правительства Республики Татарстан (2014 г.), проекта Правительства Ульяновской области (2015 г.). Результаты работы отражены в 55 публикациях, в том числе 5 монографиях, 22 публикациях перечня ВАК, 5 публикациях, включенных в международные базы цитирования WoS и Scopus.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, четырёх глав, Заключение, списка использованных источников и литературы, приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность избранной темы, определены цель и задачи, объект и предмет, хронологические и территориальные рамки исследования, раскрыты его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, а также сформулированы положения, выносимые на защиту. Приведены сведения об апробации и структуре работы.

В первой главе «**Теоретико-методологические основы исследования религиозного синкретизма суннитов**» представлена методология исследования, приведены определения религиозности и религиозного синкретизма, принципы, методы и подходы научного анализа, рассмотрен вклад российских и зарубежных авторов в разработку проблемы.

В первом параграфе «*Историографический дискурс религиозности суннитов*» рассмотрены подходы к исследованию религиозности изученных народов.

Начало **дореволюционных исследований** религиозности татар и башкир связывают с именами русских учёных и путешественников XVIII в. И. Г. Георги, П. Палласа, И. И. Лепёхина¹. Ими даны яркие зарисовки языческих верований и религиозных обрядов. Деятнадцатое столетие характеризуется активизацией интереса к татарской и башкирской культуре. Появились труды Т. С. Беляева, П. М. Кудряшова, К. Ф. Фукса, В. И. Черемшанского, М. В. Авдеева². В конце XIX – начале XX вв. событием в ориенталистике стали труды В. В. Бартольда³, который, опираясь на большой массив материалов, показал, что ислам возник именно как синкретичное образование. Подобные исследования являлись скорее исключением на фоне «**традиционной**» **школы советской (российской) этнографии**, в рамках которой религиозность рассматривалась с позиций народной, «исконной» культуры, в то время как влияние ислама игнорировалось. И это при том, что ко времени проведения этнографических исследований часть

¹ *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих, также их житеских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. Ч. 1–2. СПб., 1776. С. 85–103; *Паллас П. С.* Путешествия по разным местностям Российского государства в 1770 г. Ч. 2. Кн. 1. СПб., 1786; *Лепёхин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. Ч. 2. СПб., 1802.

² *Беляев Т. С.* Куз-Курняч, башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курачем и переведённая на российский в долинах гор Рифейских, 1809 года. Казань, 1812; *Кудряшов П. М.* Предрассудки и суеверия башкирцев // Отечественные записки. Ч. 28. 1826. № 78. С. 5–9; *Фукс К. Ф.* Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844; *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859; *Авдеева М. В.* Подводный камень // Современник. 1860. № 11–12.

³ *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. VI. Работы по истории ислама и арабского халифата. М., 1966.

тюркских народов несколько веков исповедовала мусульманство. Зародившись до революции, данный подход сохранил своё влияние и по сей день. В частности, пришло осознание необходимости интерпретации языческих представлений и обрядов в контексте социальных и правовых исследований. Например, весьма результативны попытки изучения родовой системы башкир и татар на основе их представлений о тотемистических предках⁴. Интересен ещё один подход, который в некотором роде является продолжением предыдущего. Он предполагает попытку реставрации ранней религии суннитов посредством изучения древних источников, записей средневековых путешественников, археологических данных, а также данных языка⁵. Сопоставление фольклорных материалов с ранними свидетельствами о религиозности предков тюрков позволяет выявить черты преемственности в их массовом сознании, а также обнаружить те изменения, которые произошли с языческими представлениями уже после принятия ислама.

В советский период борьба с религией оказала сильное влияние на весь ход исследований, посвящённых проблемам религиозного сознания. Языческие верования и представления поволжских татар, башкир и родственных народов получили широкое освещение в монографиях ведущих этнографов: П. И. Воробьёва и Г. М. Хисамутдинова, С. Ш. Гаджиевой, Р. Г. Мухамедовой и других⁶. Данные учёные не оставили без внимания тюркскую демонологию и архаичные обряды. Исследователи обратили особое внимание на смешение архаичных воззрений изучаемых народов, рассмотрели возможные варианты их происхождения, предположили аккультурационные изменения в массовом сознании суннитов. Слабой стороной почти всех вышеобозначенных публикаций можно считать то, что исследования по архаичным воззрениям суннитов были представлены лишь отдельными главами в общих работах по культуре и быту татар и башкир. Немудрено, ведь материалистический базис представлял наибольший интерес в марксистско-ленинской идеологии, в то время как нематериальной надстройкой пренебрегали. Поэтому архаичные воззрения изучались в лучшем случае в рамках теории пережитков или исследовались с позиции известного клише об отрицательной динамике религии в коммунистическом государстве.

⁴ Бускунов А. М., Кульшарипов М. М. Культы животных и птиц в башкирской мифологии и истории общественной мысли // Вестник Башкирского ун-та. 2012. Т. 17. № 1. С. 369.

⁵ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М., 2006.

⁶ Смирнов А. П. Волжские болгары. М., 1951; Татары Среднего Поволжья и Приуралья / под ред. П. И. Воробьёва и Г. М. Хисамутдинова. М., 1967; Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961; Губогло М. Н. Гагаузы // Наука и жизнь. 1969. № 10. С. 99–103; Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М., 1972.

Наиболее выдающихся результатов в изучении религиозного синкретизма мусульманских народов достигли учёные, анализировавшие культуру среднеазиатских тюрков. Их работы, базировавшиеся на богатой источниковой базе и **системном подходе**, вскрыли механизмы синкретизации религий в данном регионе⁷. Подход исходит из сложного единства традиционной тюркской и мусульманской культур, а также стремится изучить весь спектр факторов, благодаря которым такое единство возможно. Зародившись в советский период, он не утратил своего значения и активно применяется современными исследователями⁸. Синкретичный характер религиозного мировоззрения тюрков подчеркивается и учёными, исследующими татар и башкир⁹. В постсоветский период системный подход «подхватили» социологи, которые стремятся учесть весь комплекс религиозной жизни респондентов. Действительно, уровень мусульманизации нельзя оценивать, пользуясь лишь понятием конфессионального самосознания. Критерии должны говорить о ряде аспектов данной религии¹⁰.

Советский период ознаменовался также существенным вкладом в исследование происхождения, развития и изменения мусульманской религии в русле общественно-формационного подхода¹¹. Появились и изыскания, посвященные религиозному синкретизму. По большей части в них формулируется идея кризиса религии в социалистическом обществе и постепенного вытеснения религиозных представлений атеистическими¹². Важный шаг в осознании предмета нашей работы сделал Г. Е. Кудряшов¹³. Благодаря новаторскому подходу ему удалось предложить новый взгляд на проблему смешения верований и воззрений. Серьёзным уровнем изысканий по предмету нашей работы характеризуется публикация Н. С. Капустина¹⁴. Вопросы, касающиеся слияния религиозных воззрений

⁷ *Басилов В. Н.* Культ святых в исламе. М., 1970.; *Снесарёв Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

⁸ *Чвырь Л. А.* Заметки о культурном единстве оседлых туркестанцев // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 2006. С. 3–19.

⁹ *Юнусова А. Б.* Ислам и мусульмане в современном Башкортостане // Мусульмане изменяющейся России. М., 2002. С. 175–180.

¹⁰ Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / ред. кол.: М. П. Мчедлов (отв. ред.), Ю. А. Гаврилов, В. В. Горбунов и др. М., 2009. С. 374.

¹¹ *Беляев Е. А.* Арабы, ислам и арабский халифат в раннем средневековье. М., 1966; *Климович Л. И.* Ислам. М., 1965; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и её падение. М., 1998; *Смирнов И. А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1963.

¹² *Яблоков И. Н.* Методологические проблемы социологии религии. М., 1972; *Его же.* Кризис религии в социалистическом обществе. М., 1974.

¹³ *Кудряшов Г. Е.* Динамика полисинкретической религиозности: опыт историко-этнографического и конкретно-социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания религиозных пережитков чувашей. Чебоксары, 1974.

¹⁴ *Капустин Н. С.* Особенности эволюции религий (на материалах древних верований и христианства). М., 1984.

и идей у нетюркских этносов, рассматривались Н. Ф. Мокшиным, В. Е. Владыкиным и С. А. Романовой¹⁵. Несмотря на очевидное различие объектов исследования, данные учёные обнаружили наиболее общие тренды в процессах смешения религиозных представлений у народов изучаемого региона, которые в известном смысле актуальны и для суннитов.

В постсоветский период историография религиозности суннитов совершает определённый прорыв в своём развитии, что связано с ослаблением давления государства в области науки и религии и, соответственно, науки о религии. Расширившееся поле исследований и обогатившийся методологический аппарат ввели в изыскания массового сознания суннитов невиданную доселе детальность. В публикациях данного периода получили своё развитие множество сюжетов религиозного быта мусульманина. Например, учёные стали чаще обращаться к вопросам, касающимся взаимовлияния мусульманства с общественными и юридическими структурами и иными конфессиями¹⁶.

Постсоветское мусульманство, потенциал, заложенный в нём для трансформации, сложности, возникающие в рамках религиозного возрождения, обозначены в научных изысканиях Р. К. Уразмановой, А. Б. Юнусовой, А. А. Ярлыкапова¹⁷. Широкое освещение в исторической литературе в конце XX – начале XXI вв. получила проблема религиозной жизни мусульманских народов в советский период¹⁸. В них в основном на мате-

¹⁵ Мокшин Н. Ф. Религиозный синкретизм у мордвы // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 49–57; Владыкин В. Е. Из истории синкретичной религиозности удмуртов // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 57–64; Романова С. А. Особенности формирования православно-языческого синкретизма мари // История христианизации народов Среднего Поволжья. Чебоксары, 1988. С. 104–112.

¹⁶ Балтанова Г. Р. Ислам в СССР. Анализ зарубежных концепций. Казань, 1991; Арапов Д. Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001; Абдулатипов Р. Г. Судьбы Ислама в России: история и перспективы. М., 2002; Мухаметшин Р. М. Ислам в Татарстане. М., 2007; Хайретдинов Д. З. Ислам в Нижегородской области. М., 2007.

¹⁷ Уразманова Р. К. Современные обряды татарского народа. Казань, 1984; Её же. «Мусульманские» обряды в быту татар // Этнографическое обозрение. 2009. № 1. С. 13–26; Ярлыкапов А. А. «Народный ислам» и мусульманская молодёжь центрального и северо-западного Кавказа // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 59–74; Юнусова А. Б. Мобилизационный архаизм: новые тенденции в традиционной религиозной практике поклонения башкирских мусульман // Известия Уфимского научного центра РАН, 2015. № 3. С. 106–115.

¹⁸ Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане: история, состояние и перспективы развития : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997; Ибрагимов Р. Р. Государственно-конфессиональные отношения в Татарстане в 1940–1980-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004; Соломандина Н. А. Мусульманские религиозные организации Пензенской области (вторая половина 1940 — первая половина 1980-х гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; Королёв А. А. Власть и ислам в СССР в послевоенный период (по материалам Пензенского региона) //

риалах архивов показано, что антирелигиозная политика советского правительства и общая религиозная ситуация того времени неоднократно менялись на протяжении всего XX в., однако общий тренд оставался прежним: ислам воспринимался оппозиционным социалистическому строю течением. Отдельно отметим публикации Е. К. Минеевой, в которых рассмотрены вопросы политики советской власти по отношению к религии в 20–30-е гг. XX в.¹⁹

Одной из главных тенденций последних десятилетий является доминирование в отечественной науке подхода, который именуется **исламоведческим**, так как он выдвигает на первый план исследование истории, обрядов, социальных групп данной мировой религии, в то время как специфические стороны носителя (быт, традиции) признаются второстепенными. Работы, выполненные в русле исламоведческого подхода, грешат излишними историзмом и политизированностью, за которыми еле различимыми становятся этнические и территориальные особенности религиозности суннитов. В качестве достоинства отметим казуалистический потенциал данных работ, вызванный высокой степенью детерминированности исламских общин Российской империи, а впоследствии Советского Союза внешними условиями (уровень социально-экономического развития общества в целом и отдельных регионов в частности; характер политики властей по отношению к исламским институтам). Вышесказанное в полной мере относится к публикациям Д. Н. Денисова, в которых детально рассмотрено состояние исламских общин Приуралья²⁰. Отдельно стоит выделить монографию И. К. Загидуллина, в которой рассмотрен процесс интеграции исламских институтов в поликультурное пространство Российской империи. Новые стороны религиозной

Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. С. 86–89; Королева Л. А., Королев А. А. Ислам в СССР: некоторые аспекты государственно-религиозной политики // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2008. № 6 (13). Ч. I. С. 110–112; Стамболиди А. В. Государственно-конфессиональные отношения в СССР в середине 60-х – начале 80-х годов XX века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; Старостин А. Н. Мусульманское сообщество Среднего Урала в конце XIX – начале XXI вв. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010; Гусева Ю. Н. Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья). Самара, 2013.

¹⁹ Минеева Е. К. Антиклерикальная политика Республики Советов: особенности и последствия // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 89–94; Её же. Идея образования Татаро-Башкирской Советской Республики в движении за национальную государственность народов Среднего Поволжья // Эффективность, результативность и качество государственного и муниципального управления : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2011. С. 516–525.

²⁰ Денисов Д. Н. Мусульманская община Златоуста в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Челябинского гос. ун-та. История. Вып. 32. 2009. № 16 (154). С. 87; Его же. Мусульманская община Бирска в XIX – начале XX вв. // Вестник Башкирского ун-та. 2012. Т. 17. № 1. С. 365.

жизни мусульман в Симбирской губернии обстоятельно рассмотрены А. В. Кобзевым²¹.

Близки к предыдущему подходу те публикации, которые делают упор на изучение взаимодействия исламских общин тюрков с представителями иных религиозных систем, в первую очередь – христианства²². Замечательны в этом отношении публикации П. В. Денисова, Е. А. Ягафовой, О. В. Егоровой, К. Н. Санукова, Г. И. Фёдорова, Р. Р. Садикова²³. В них представлен анализ фактов взаимовлияния чувашей, удмуртов и татар, исповедующих ислам, а также чувашей и крещённых татар в области религиозных практик, сложившихся в результате синкретизации традиционных верований и культа с исламом и христианством. Фиксируются и тенденции распространения мусульманского влияния среди соседних народов²⁴.

Ещё одна группа исламоведческих работ посвящена теме мусульманского ренессанса на территории России и отдельных её регионов. Например, в диссертации Р. А. Силантьева²⁵ развивается идея сложности и неровности процесса исламского возрождения, которые вылились в противостояние различных социальных, этнополитических и конфессиональных групп. В этой и других своих работах автор утверждает мысль об отсутствии целостного единства внутри исламского общества, борьбе умеренных и радикальных мусульман на уровне отдельных регионов. Отметим и диссертацию

²¹ Кобзев А. В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начала XX вв. Н. Новгород, 2007. С. 120–121.

²² Уерт Г. Отпадение крещённых татар // Татарстан. 1995. № 1–2. С. 106–107; Таймасов Л. А. Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2004; Фахрутдинов Р. Г., Фахрутдинов Р. Р. Из истории христианизации татар Поволжья в XVIII в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2014. № 4. С. 191–203.

²³ Денисов П. В. Религиозные верования чувашей. Чебоксары, 1959; Его же. Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары, 1972; Ягафова Е. А. Исламизация чувашей в Урало-Поволжье в XVIII – начале XX в. // Россия и мусульманский мир. 2008. № 1. С. 51–65; Её же. Чуваша-мусульмане в XVIII – начале XXI вв. Самара, 2009; Егорова О. В., Денисов П. В., Сануков К. Н., Фёдоров Г. И. Межэтнические отношения чувашей и татар // Вестник чувашского университета. 2012. № 2. С. 20–26; Садиков Р. Р. На перекрестке трех религий : керемет, мечеть и церковь в этноконфессиональном пространстве удмуртского селения // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. № 4. С. 109–121.

²⁴ Касимова Э. Г. Реализация государственной конфессиональной политики среди удмуртов, марийцев, татар Вятской губернии в 1870–1905 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2005. С. 57.

²⁵ Силантьев Р. А. Этносоциальные, политические и религиозные аспекты раскола исламского сообщества России : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; Его же. Новейшая история ислама в России. М., 2007.

А. В. Постнова²⁶, в которой показана география радикальных течений в Поволжье и Приуралье.

Важное направление постсоветской историографии связано с анализом современной религиозности и религиозной обрядности в России в условиях либерализации духовной жизни. Данная тема весьма подробно изучена такими исследователями, как Е. А. Кублицкая, М. П. Мчедлов, И. Н. Яблоков, О. Е. Казьмина, К. Каарияйнен и Д. Фурман, З. И. Пейкова²⁷. Пользуясь инструментарием общественных наук, они продемонстрировали актуальную на тот момент духовную жизнь народов нашей страны. Учёные отмечали усиление тенденций к переплетению разнородных идей, догм, воззрений. Вышеназванными авторами охарактеризовано массовое сознание студенческой молодёжи, обозначены последствия войны советской власти против религии. Кроме того, им удалось в целом правильно описать факторы чрезвычайно быстрого возрождения конфессий. Особое место в этом ряду занимают изыскания М. Н. Губогло, в которых понятие религиозности изучается через призму мультикультурализма и основных категорий идентичности²⁸.

Продолжились начатые в советский период исследования религиозности с позиций синкретизма. Отличие этих публикаций от советских состоит в поиске не только секулярных и атеистических представлений в мировоззрении населения, но и идей так называемых нетрадиционных течений и движений. К таким публикациям относится работа Д. А. Таевского²⁹. Анализ религиозности мордвы, в которой также заметны синкретичные мотивы, посвящена диссертация Е. Н. Мокшиной³⁰. Выделим в качестве заслуживающего особого внимания исследование Д. В. Русина³¹, в котором, хотя и изучалось в основном массовое сознание нетюркских

²⁶ Постнов А. В. Нетрадиционные течения в мусульманском сообществе (умме) Российской Федерации в 1990-е – начале 2000-х гг.: историко-политический анализ : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2011.

²⁷ Кублицкая Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95–103; Мчедлов М. П. Религиозная ситуация в России // Свободная мысль. 1993. № 5. С. 52–62; Яблоков И. Н. Основы теоретического религиоведения. М., 1994; Казьмина О. Е. Вопрос о религиозной принадлежности в переписях России и СССР // Этнографическое обозрение. 1997. № 5. С. 156–161; Каарияйнен К. Верующие, атеисты и прочие // Вопросы философии. 1999. № 6. С. 35–52; Пейкова З. И. Религиозный портрет студента // Высшее образование в России. 1999. № 5. С. 109–115.

²⁸ Губогло М. Н. Этничность. Конфессиональность. Гражданственность. ЭКГ России // Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. М., 2000. С. 4–31.

²⁹ Таевский Д. А. Синкретичные религии и секты. М., 2001.

³⁰ Мокшина Е. Н. Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX – начале XXI века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2004.

³¹ Русин Д. В. Религиозный синкретизм у русских Ульяновского Поволжья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2004.

народов, тем не менее, затронуты процессы, характерные для духовной жизни всего населения в постсоветский период. Публикации, посвящённые религиозности и религиозной обрядности мусульман Среднего Поволжья и Северного Кавказа, представлены в основном статьями Л. П. Шабалиной, Е. Л. Лукьяновой, Г. А. Сабировой, Е. А. Ходжаевой³².

Анализ историографии и публикаций, посвящённых религиозности суннитов и других народов, показывает некоторую неоднозначность, неровность разработки отдельных сюжетов и направлений в данной области. В большей степени исследованы элементы официальной религиозности суннитов. В меньшей степени учёные касались нетрадиционных воззрений данных народов.

Зарубежные исследователи также не остались в стороне от изысканий в сфере религиозных представлений суннитов Среднего Поволжья и Приуралья. По большей части они анализировали взаимодействие мусульманских общин с властью. Особенно показательны в этом плане труды замечательного французского востоковеда А. А. Беннигсена, который выделял официальный и неофициальный ислам. Последний, по его мнению, выступал в качестве своеобразной оппозиции советской власти³³.

Во втором параграфе «Источниковая база исследования» проанализирован комплекс этнографических, исторических и фольклорных источников, которые применялись в работе.

Во-первых, это официальные документы и законодательные акты, которые использовались для исследования наиболее глобальных трендов в духовной жизни изучаемых народов. Благодаря им удалось также выявить генеральную линию, проводимой властями СССР и Российской Федерации в отношении различных конфессий политики³⁴. Интерес представляют статьи

³² Шабалина Л. П. Синкретизм в религии народов Среднего Поволжья // Человек в культуре России. Ульяновск, 1999. С. 23–25; Лукьянова Е. Л. «Аллах один?» К вопросу о современных мусульманских идентичностях // Другое поле: социологические практики. Ульяновск, 2000. С. 194–212; Сабирова Г. А. Мусульмане Татарстана и Дагестана: идеалы и идентичности // Другое поле: социологические практики. Ульяновск, 2000. С. 159–178; Ходжаева Е. А. Возрождение религии и этническая идентичность татарской молодёжи в Республике Татарстан // Социологические исследования. 2003. № 3. С. 106–108.

³³ Bennigsen A. Islam in Soviet Union. London ; N.Y., 1967.

³⁴ Декрет о свободе совести, церковных и религиозных общинах: 20 января (2 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957; О религиозных объединениях : постановление ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 г. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 2: 1929–1939. М., 1959. С. 29–45; Конституция СССР (1977). М., 1977; О свободе совести и о религиозных объединениях : Федеральный закон РФ от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465; О свободе совести и о религиозных объединениях : Закон Республики Татарстан от 14 июля 1999 г. № 2279 (с изм. на 08.10.2015); О свободе совести и вероисповедания в Республике Башкортостан : закон Республики Башкортостан от 20 июня 1991 года № ВС-6/19 (с изм. на 02.11.2015).

конституций СССР разных лет, посвящённые свободе совести, региональные законы постсоветской России, регламентирующие деятельность религиозных объединений, декреты первых лет советской власти, на много десятилетий вперёд определившие специфику взаимоотношений правительства и верующих. Применение данной группы источников продуктивно в плане периодизации религиозной политики советского, а затем и Российского государства. Благодаря им в исследовании воссозданы внешние условия жизни мусульманского общества. Однако официальные документы и законодательные акты обладают и серьёзным недостатком: политико-правовая ситуация не всегда оказывает линейное, прямое воздействие на религиозность татар и башкир, которая в известном смысле противопоставляет внешнему давлению тайну чувства и веры.

Ко второй группе источников относятся заметки краеведов, которые в своих записях, благодаря непосредственному наблюдению, глубокому погружению в бытовую и повседневную жизнь изучаемых этносов, смогли подметить чрезвычайно тонкие детали духовной жизни народов Волго-Уралья. Заметки не только помогли исследованию с точки зрения объективных сведений, но и внесли необходимую в случае такого сложного предмета, как религиозный синкретизм, первичную аналитику. На страницах публикаций краеведов «оживает» настоящая, подлинная жизнь мусульманского, православного и языческого населения Волго-Уралья³⁵. В качестве наиболее весомых источников из этой группы отметим издания краеведов, которые «вышли» из мусульманского этноса³⁶. Фольклорные, исторические, статистические сведения, систематизированные учёными-мусульманами, позволили выявить наиболее яркие специфические стороны сакрального быта народов Волго-Уралья. К данной группе материалов нужно относиться критически, так как в них встречаются неточности, ошибки, устаревшие данные. Кроме того, отмеченное выше преимущество глубокого погружения в бытовую и повседневную жизнь изучаемых этносов не всегда идёт во благо объективной исторической науки, так как усиливает субъективные моменты в отборе и представлении материала по этнографии суннитов.

В-третьих, это периодическая печать. Важнейшие сведения заимствованы в ходе исследования из журналов «Татарстан» и «Наука и религия», газеты Центрального духовного управления мусульман России «Маглюмат аль-Булгар», духовно-просветительской газеты регионального духовного

³⁵ *Арнольд М.* Из путевых заметок по Буинском уезду // *Материалы для истории и статистики Симбирской губернии.* Симбирск, 1866. Вып. 41. С. 32–41; *Ауновский В. А.* Иногородские на-селённые места Симбирской губернии // *Симбирский сборник.* Симбирск, 1870. Т. II. С. 150–194. *Никольский Н. В.* Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. Казань, 1919.

³⁶ *Насыри К.* Избранные произведения. Казань, 1977; *Ахмеров Г. Н.* Избранные труды. Казань, 1998.

управления мусульман Самарской области и Самарской соборной мечети «Ислам-Нур», национально-культурной и духовно-просветительской газеты татар Самарской области «Салам», газеты «Горьковская правда» и других изданий г. Ульяновска, Ульяновской, Самарской областей и Республик Татарстан и Башкортостан. Публикации периодики богаты реальными свидетельствами о социальном аспекте конфессиональной и внеконфессиональной жизни татар и башкир в XVIII–XXI вв., о распространении невероисповедальной религиозности среди суннитов Среднего Поволжья и Приуралья в конце XX – начале XXI вв., о специфике религиозности в советский и постсоветский периоды. Однако надо понимать, что данные сведения могут быть отягощены политической конъюнктурой, связанной с борьбой между различными течениями в исламе, что может навредить объективным представлениям о религиозной жизни суннитов.

В-четвёртых, это справочные издания³⁷, которые многократно применялись в процессе написания работы в связи с необходимостью разграничить основные исламские категории, используемые в рамках понятийно-терминологического аппарата исследования. Ключевые сюжеты по религиозности рассмотрены в справочных книгах Симбирской губернии. Богатейшая текстовая информация и статистика, позволившая подробно проанализировать в исследовании уровень вовлечённости соседних с татарами народов в православие, были заимствованы из данной группы источников. Главная их ценность состоит в том, что они включают в себе массу сведений по истории ислама и иных религий России самого разнообразного характера, в том числе достаточно цельное и подробное описание жизни, быта и духовного мира мусульман на протяжении длительного периода времени.

Для анализа этнорелигиозной динамики Поволжья, Приуралья, Северного Кавказа и России в целом в период с конца XIX до начала XXI вв., а также для изучения этнической структуры субъектов ПФО в данной работе применялись материалы официальной статистики³⁸, которые позволили раскрыть возможные причины высокой религиозности суннитов в регионах, где татары и башкиры не составляют заметного большинства, а также влияние доли русского населения на сохранность архаичных представлений.

Интернет-источники привлекались в ходе написания работы для анализа быта магометанских приходов Среднего Поволжья, Приуралья и Север-

³⁷ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007; Ислам. Минск, 2009; Ислам на европейском востоке : энциклопедический словарь. Казань, 2004; Религии народов современной России. Словарь: А–Я. М., 2002; Татарско-русский словарь: 25 000 слов. Казань, 2002.

³⁸ Национальный состав населения Ульяновской области // Итоги Всероссийской переписи населения, 2002. Ульяновск, 2004; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXXIX. СПб., 1904.

ного Кавказа в конце XX – начале XXI вв. Обширнейшие сведения, нередко не без элемента научного исследования, о мусульманстве, ишанизме, фундаменталистских и иных течениях ислама, всевозможных маргинальных деноминациях введён в научный оборот из соответствующих интернет-ресурсов. Наиболее внушительные и вызывающие доверие религиоведа данные содержат интернет-сайты www.muslims-volga.ru, www.sufism.ru. Однако, как и периодические издания, исламские сайты не могут до конца быть лишены соответствующей конъюнктуры. В частности, явления неисламской жизни суннитов в них практически не рассматриваются, а в случае упоминания представлены предвзято, с сугубо критических позиций. Также на базе данных интернет-ресурсов происходит обсуждение проблем возрождения мусульманства.

Архивные источники активно привлекались для исследования и были представлены документами из фондов следующих архивов: 1) Государственный архив Российской Федерации (г. Москва); 2) Архив Государственного центра сбора, хранения, популяризации татарского фольклора (г. Казань); 3) Национальный архив Республики Татарстан (г. Казань); 4) Государственный архив Самарской области (г. Самара); 5) Государственный архив Саратовской области (г. Саратов); 6) Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (г. Ульяновск); 7) Государственный архив Ульяновской области (г. Ульяновск); 8) Центральный архив Республики Башкортостан (г. Уфа).

Материалы Государственного архива Ульяновской области (ГАУО) и Государственного архива новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО) легли в основу анализа религиозной жизни татар Среднего и, в первую очередь, Ульяновского Поволжья в конце XIX–XXI вв. К их числу относятся отчеты благочинных, журналы собраний духовенства, справки и отчеты уполномоченного совета по делам религии Ульяновской области (ГАУО, ф. 134; ф. 88; ф. р. 3705), доклады татарского бюро Агитпропа Губкома РКП(б), директивы ЦК ВЛКСМ и Губкома комсомола по работе среди нацмен, протоколы заседаний татаро-башкирского бюро при АПО (ГАНИ УО, ф. 1; ф. 3; ф. 7; ф. 8. ф. 37; ф. 43). Архивные материалы содержат ранее не публиковавшиеся сведения, кроме того, дают богатые статистические данные и в некоторых вопросах более информативны, чем опубликованные источники. Однако, как справедливо отмечает Ю. Н. Гусева, существуют реальные опасения исследователей в объективности подобных источников при анализе религиозных культов советского периода³⁹.

Особую ценность для изучаемой темы представляют фонды Симбирского губернского комитета РКП(б) подотдела национальных меньшинств

³⁹ Гусева Ю. Н. Мусульмане Поволжья в советский период отечественной истории (по материалам Нижегородской, Самарской и ульяновской областей): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013. С. 41.

(ГАНИ УО, ф. 1; ф. 3; ф. 7), в которых представлена информация об антирелигиозной политике, проводимой на территории Симбирской губернии в 20-е гг. XX в., о реакции на эту политику татарского населения губернии, об активности мусульманских священнослужителей и о росте численности воинствующих безбожников среди татар. Существенный интерес представляет фонд уполномоченного по делам религиозных культов по Ульяновской области, подготовленный В. Н. Егоровым (ГАНИ УО, ф. 112), в котором находятся данные по многим вопросам религиозной жизни татар Ульяновской области в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Материалы Национального архива Республики Татарстан позволили проанализировать различные аспекты религиозной жизни татар и башкир в XVII–XX вв. Например, в них фигурируют ценные сведения, касающиеся специфики татарского населения с точки зрения проводимой царским правительством политики насильственного крещения, а также факты языческих представлений и культа других народов Среднего Поволжья и Приуралья (ф. 10). Немаловажны материалы, содержащиеся в фондах советского периода. Например, в статистических сведениях по Татарской АССР в области религиозных объединений и в докладах и отчётах уполномоченного Совета по делам религии при Совете Министров СССР (ф.р. 873) обнаружены важные свидетельства религиозной жизни народов Татарстана с 1920-х по 1980-е гг., к числу которых относятся усиление роли неофициальных служителей и мулл в духовной жизни татар, проявление языческих и неязыческих обрядов и представлений на территории республики. Одним из ключевых в нашем исследовании стали данные постановлений бюро Татарского обкома ВКП(б) по вопросу религиозного движения, статистические отчёты Республиканского совета о состоянии антирелигиозной работы по районам и информации из фонда Татарского республиканского совета союза воинствующих безбожников за 1920–1930-е гг. (ф.р. 5263). Несмотря на свою кажущуюся предвзятость, они, тем не менее, зафиксировали важные для нашего исследования всплески религиозных настроений в татарском обществе в 1925–1927 гг., а также факты массового прихода татарского населения в союзы воинствующих безбожников. Материалы Национального архива Республики Башкортостан также внесли заметную лепту в наши изыскания. В протоколах Башкирского областного комитета РКП(б), докладах уполномоченных Совета по делам религиозных культов и совета по делам РПЦ при Совете министров БАССР, протоколах и отчётах комиссии агитпропа и женотдела обкома РКП(б) на конкретных примерах показаны все сложности религиозной жизни татар и башкир в пределах не только Башкирской Республики, но всего Среднего Поволжья и Приуралья в целом (ф. 122). Благодаря широкому охвату, с одной стороны, и частным случаям из жизни – с другой складывается противоречивая картина смешанных исламских, языческих, атеистических представлений, характерных для суннитов в советское время (ф. 342). Материалы архива Государственного центра сбора, хранения, популяризации татар-

ского фольклора помогли провести анализ степени сохранности языческих и неоязыческих представлений татар в Среднем Поволжье. К примеру, в них содержатся сведения, касающиеся обрядов «народной медицины», магических заговоров и прочее.

В работе применялись полевые этнографические, фольклорные и этносоциологические материалы: 1) полевые исследования автора, проведённые в 2008–2009 гг. в Ульяновской области. К ним относятся сведения, полученные от информаторов и данные опросов; 2) данные массового анкетирования, проводившегося в рамках реализации гранта Президента РФ. В ходе него были опрошены 408 респондентов в г. Казани (134), Уфе (33), Карачаевске (204) и Ульяновске (37); 3) данные опроса 2016 г., проведённого в 14 субъектах ПФО, а также в Челябинской, Астраханской, Московской, Тюменской областях, Ханты-Мансийском автономном округе, г. Москве и Санкт-Петербурге. Всего в нём приняли участие 629 респондентов; 4) материалы анкетирования татар Республики Чувашия (58 респондентов), Республики Мордовии (42 респондента), Самарской (44 респондента) и Пензенской (58 респондентов) областей; 5) интервью с карачаевцами по вопросам религиозности карачаевского народа и материалы «круглого стола» на ту же тему, а также интервью с татарами и башкирами г. Уфы, проводившиеся в рамках реализации гранта Президента РФ; 6) интервью с татарами Ульяновской области, собранные в рамках реализации научно-исследовательского проекта правительства Республики Татарстан. Интервьюировались национальная интеллигенция, рядовые верующие и мусульманское духовенство; 7) материалы анкетирования, собранные в рамках внутривузовского гранта Программы стратегического развития университета 2014 г.; 8) данные опросов кумыков, ногайцев, казахов, чеченцев, ингушей, даргинцев, лезгин, аварцев, кабардинцев, балкарцев, башкир (2015 г.).

Данная группа источников позволила выявить синкретичные структуры в религиозности татар и башкир на современном этапе, изучить массовый характер влияния нетрадиционных течений на массовое сознание суннитов, провести региональный и этнический анализ различий религиозного сознания изученных народов. Ответы респондентов – рядовых верующих нередко содержат уникальные сведения и более достоверны в передаче реальной религиозной жизни, так как они излагаются «бытовыми», зачастую просторечными выражениями, с использованием слов национального языка. Однако, как известно, особенностями материалов интервью являются наличие неточностей в фактах и необъективность их оценки, вызванные давлением этнической или религиозной группы. Поэтому особенно интересны данные, полученные в ходе интернет-опросов, так как они по большей части лишены внешнего влияния.

В третьем параграфе «Методология исследования религиозного синкретизма» проанализированы определения религиозности и религиозного синкретизма, принципы, методы и подходы научного анализа.

Религиозный синкретизм неотделим от религии, которая в исследовании рассматривается как система, состоящая из трёх компонентов. Первый компонент – мировоззренческий – самый сложный и подвижный, так как чувство, являющееся составной его частью, может быть направлено не только на исламские, но и на иные элементы духовной культуры. Благодаря ему религиозная система становится открытой для воздействия извне. Мировоззрение в силу своей эмоциональной составляющей допускает значительные отклонения от постулатов и догм соответствующей религии. Именно по этой причине объектом исследования стала эволюция религиозности. Действительно, религия – это устоявшиеся социокультурные институты. Религиозность – это любая система взглядов и действий, в том числе отличных от признанных в официальной религии⁴⁰. Поэтому феномен религиозности гораздо шире и «этнографичнее» институциональных религий. Синкретизм, который является предметом исследования, в большей степени связан с религиозностью как живым, эволюционирующим явлением. Второй компонент религиозной системы – социальный. Он подвержен наименьшим изменениям, так как в его основе лежит исламская обрядность, которая на протяжении веков у суннитов остаётся практически неизменной. В контексте исследования важно, что сложившийся образ жизни, пусть даже в русле ислама, не всегда может выдержать влияния внешних сил или столкнуться с некоторым противодействием внешней системы. Человек может встать перед необходимостью переосмысления своих религиозных установок, образа жизни и мировоззрения. В этой связи вопрос соотношения веры, обрядовой практики и морально-нравственной составляющей религий нам кажется одним из ключевых при изучении религиозного синкретизма суннитов. Третий компонент – средовой – важен в связи с более масштабным цивилизационным синкретизмом. Внешняя среда не всегда оказывает разрушительное воздействие на мировоззрение, иногда она становится мобилизационным фактором, развёртывая исламское сознание вовне. Основными элементами средового компонента религиозной системы являются: 1) межнациональные и межконфессиональные семьи; 2) система «Язык – культура»; 3) трансперсональные переживания человека.

Семья – институт, в котором наиболее полно реализуются религиозные обряды, а потому в межконфессиональных семьях элементы синкретизма всегда будут присутствовать. Система «Язык – культура» важна из-за непонятности арабского языка как основного языка богослужения для большей части татар и башкир и того факта, что русский язык является основным языком межнационального общения для суннитов, особенно в условиях города, «поставляя» в духовную культуру посредством СМИ и межнациональных контактов, нетрадиционных религиозных понятий и терминов, та-

⁴⁰Рыжов Ю. В. Новая религиозность в современной культуре: дис. ... д-ра филос. наук : М., 2007. С. 94.

ких, например, как «карма». Эти понятия, попав на «почву» суннитской культуры, также могут быть восприняты неверно и привести к грубейшим отождествлениям разнородных религиозных понятий. Важно учитывать, что язык действует на границе с психотерапией: в ряде случаев магические заговоры на татарском, башкирском и русском языках будут более привлекательны для суннитов, усложняя их религиозную систему.

Важность трансперсональных переживаний связана с тем, что магическо-мистический опыт, религиозные чувства в различных религиях имеют много общего. Люди, пережившие подобные чувства, могут ощутить несоответствие ислама своему представлению о божественном, а также близость своих религиозных систем с другими. Магически-мистическое чувство в таком случае оказывается сильнее религиозного, имеет отличные от него истоки, и отличается от испытанных в ходе непосредственного религиозного обряда чувств. Это актуально для нашего времени, когда религия уже не является абсолютным монополистом сильных духовных переживаний. В религиозной системе суннитов следует выделить две формы магии: вероисповедальную и невероисповедальную. Первая форма опосредована мусульманскими представлениями и атрибутами. Невероисповедальная магия суннитов как национальное явление на современном этапе практически отсутствует. В конце XX – начале XXI вв. сунниты заимствуют элементы магии из других культур и религий.

Религиозность суннитов характеризуется синкретизмом. На первом этапе оформилась традиционная религиозность⁴¹. На втором этапе – новая религиозность. Движущей силой новой религиозности становится уже не столько этнос, сколько конкретный индивид, который пытается выразить себя через религию и в этом своём стремлении не ограничивается только элементами традиционной религиозности. В эпоху глобализации речь идет о конструировании религии путем синтеза элементов из разных религий.

Во второй главе **«Эволюция исламского фактора в религиозности суннитов Среднего Поволжья и Приуралья»** исследовано изменение роли ислама в качестве ведущей системы представлений на протяжении советского и постсоветского времени, проанализированы её отношения с атеистическими, этническими и иноконфессиональными системами, выявлено, в какой мере и за счёт каких внешних и внутренних факторов ислам восстановил свои позиции на современном этапе.

В первом параграфе «Динамика религиозности суннитов в советский период» раскрыты взаимоотношения суннитов с органами государственной власти СССР. В условиях революции 1917 г. произошла активизация национального движения мусульман региона. Большевики обещали покончить с неравенством религий и обеспечить подлинную свободу совести. Наблюда-

⁴¹ Бажан Т. А. Оппозиционная религиозность в России: социально-философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2000. С. 42.

лась также ситуация, когда принципы ислама представлялись большевикам как нормы общечеловеческих ценностей. С течением времени стало очевидно, что новое государство, претендующее на полное господство в идеологической сфере, не могло долгое время терпеть присутствие иных элементов в духовной жизни общества⁴². Права мулл на преподавание вероучения были значительно ограничены, что не учитывало интересов верующих людей. К работе кружков воинствующих безбожников активно привлекались татары. В материалах архивов содержится много противоречивой информации о результативности таких организаций, что является свидетельством сложности отношения мусульман к антирелигиозной политике государства. Откровенные атеисты были малочисленны, но последовательно работали на увеличение числа сочувствующих. Резкое усиление антирелигиозной пропаганды в 1921–1925 гг. привело к росту активности среди мусульманского духовенства и верующих. Его пик пришёлся на 1926–1927 гг. Религиозное возрождение затронуло самих коммунистов.

В 1929 г. в стране наметился поворот к открытой антиисламской политике, ориентированной на вытеснение религиозной традиции. К концу 1930-х гг. позиции ислама оказались существенно подорванными. Однако религиозная жизнь не угасла. Этому способствовали муллы дореволюционного времени, прошедшие горнила антирелигиозных гонений, а также небольшое количество функционировавших мечетей. Сунниты продолжали посещать мечети, отмечать семейно-бытовые «мусульманские» праздники, на которых традиционно присутствовал мулла и происходило чтение сур из Корана. Многие праздновали Курбан-байрам и Ураза-байрам. Наибольшее распространение получила «дженаза» (похоронный обряд). Думается, что это весьма типичное проявление религиозности для советского времени. Страх перед смертью с её неясными и упрямо пугающими образами потусторонней жизни невольно вызывал желание перестраховаться, обустроить переход из царства живых в царство мёртвых по многовековым, устоявшимся законам и обрядам. В это же время отмечались восстановление и развитие как разрешённых, так и не вполне традиционных для советского времени исламских и «неисламских» религиозных практик.

Не имея возможности быть реализованным в религиозном плане, ислам становился предметом интереса как культурный компонент мировоззрения. Мусульманство, несмотря на все сложности для полноценного существования, не исчезало и продолжало привлекать внимание. Вопреки антирелигиозной политике ислам фрагментарно сохранялся в обществе. Более того, он приобретал особый, даже мученический ореол. Утрачивая свои позиции в обрядовой сфере, он вращался в бытовую и семейную составляющие жизни

⁴² Гусева Ю. Н. Татарские сельские общины юго-востока Нижегородской области в меняющихся реалиях XX в. (1901–1985 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2004. С. 161.

суннитов. В советский период знакомство с ним (пусть и искажённое) происходило не извне, а изнутри татарского и башкирского общества, в первую очередь, из семьи.

Во втором параграфе «Рост религиозной активности и мечетного строительства в постсоветский период» раскрыты основные тенденции религиозного возрождения суннитов, которое началось в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в.

Бурное возрождение было вызвано своеобразным культурным вакуумом, образовавшимся после распада СССР, общей демократизацией государства, закреплённой в России конституционным правом на свободу вероисповедания, а также осознанием того, что религия может выполнять ряд важных функций в российском обществе. Государство и региональные власти впервые отметили на законодательном уровне особую роль ислама в истории России. Первоначально исламский ренессанс в изучаемых регионах носил формальный характер, не развиваясь дальше мечетного строительства и восстановления заброшенных мечетей. Наиболее активно строительство мечетей и рост числа общин происходили в Среднем Поволжье и Приуралье. В г. Карачае строительство мечетей значительно запоздало по сравнению с названными регионами, что связано с преемственностью в сфере религиозной традиции, которая не позволила возникнуть духовному вакууму в советский период. Обрядовая и духовная стороны ислама долгое время оставались незатронутыми в ходе «возрожденчества». На мировоззрении значительной части респондентов лежит «отпечаток» антирелигиозной политики.

Возрастной базой религиозного возрождения является молодёжь. Очевидно сближение религиозности молодёжи и старшего поколения суннитов. Семейные традиции, память о верующих предках – это основные мотивы обретения ислама не только у молодёжи, но и у верующих старшего возраста.

Особенностью исламского возрождения явилось то, что с самого начала оно было связано с национальным движением. Например, этническая специфика определяет характерные особенности возрождения между близкими друг другу этносами башкир и татар в Башкортостане, где этнические различия привели в конечном счёте к дифференциации исламских течений и расколу на два духовных управления. Роднит все народы то обстоятельство, что их представители считают ислам национальной религией своего народа. Особенно заметно такое долженствование среди духовенства.

На фоне слабой этнической компетенции респонденты продемонстрировали доминирование элементов исламской культуры в когнитивном компоненте их идентификации. Выявлено, что при доминировании ислама над иными идентификационными и, прежде всего, этническими признаками, религиозность татар и башкир всё же носит поверхностный характер и заполняет имеющиеся лакуны в этнической идентификации. Ислам

воспринимается ими в более широких этнокультурном, морально-нравственном и историческом контекстах. Религиозный ренессанс вовсе не означает однозначного восстановления позиций ислама в качестве религии, но усиливает его влияние как интеграционного фактора на фоне частичной утраты иных этноиндификационных признаков.

В третьем параграфе «Возрождение махалля и особенности взаимодействия мусульманских течений» показаны особенности взаимоотношения различных исламских течений в среде суннитов Среднего Поволжья и Приуралья и в сопоставительном плане у карачаевцев.

Быстрые перемены в мусульманском обществе в конце XX – начале XXI вв. не могли не привести к определённому противостоянию на религиозной почве. На наш взгляд, одной стороной конфликта выступают «номинальные», или «этнические», мусульмане, идентифицирующие себя с исламом, но не исполняющие всех мусульманских обрядов. Как правило, они подчёркивают связь с культурной традицией прошлого. Другой стороной конфликта являются представители «нового исламского движения», для которых религия и религиозность ассоциируются в меньшей степени с прошлым изучаемых народов, в большей степени с прямыми источниками мусульманской религии. Радикальные представители движения, как правило, видят в этнических мусульманах «стихийных язычников, нуждающихся в немедленном приобщении к ценностям чистого ислама»⁴³. Между этническими мусульманами и представителями «новых исламских движений» обозначился психологический, в большей степени эмоциональный, разрыв, который, конечно, не может благоприятно сказаться в целом на ренессансе ислама. Само стремление «этнических мусульман» защитить религию от посягательств извне, пусть даже исламских, является свидетельством сохранности в их массовом сознании представлений народного ислама, воспринимаемого в качестве культурной традиции.

Представители умеренного течения «нового исламского движения» связывают первоначальный успех радикальных мусульман в деле обращения с атеистической политикой советского времени, повлиявшей на неграмотность большей части суннитов, и с быстрой либерализацией общества, усилившей приток чужих идей на пространства бывшего СССР. Главной мишенью для радикальных мусульман стала несоциализированная молодёжь. Пик популярности радикального ислама пришёлся на начало 1990-х гг., затем произошёл спад их активности. Причины противостояния между религиозными течениями в Башкортостане крылись не столько в поколенческих различиях, сколько в мировоззренческих и этнополитических взглядах молодёжи. Зафиксировано противостояние умеренного и радикального течений. Умеренных и этнических мусульман, в отличие от радикальных,

⁴³ Силантьев Р. А. Новейшая история ислама в России. М., 2007. С. 419.

сближает общее уважение к прошлому народа, к Булгарам как колыбели мусульманской цивилизации в Поволжье, к поминальным обрядам, призывающим чтить память предков.

Ислам как основа религиозного мировоззрения суннитов не представляет собой единства. Ситуация принципиальной неопределённости, характерная для эпохи глобализации-индивидуализации и усиленная распадом СССР, благодаря исламу не стала стабильной. Выявлена синкретизация образов ислама в среде этнических мусульман – самой многочисленной группы суннитов. Существует и некоторое напряжение, сложившееся на фоне инкультурации «нового ислама» (умеренного, салафитского) в пространство традиционной (дореволюционно-советской) религиозной культуры. Поиск новой религиозной идентичности в аспекте взаимодействия, а чаще и противостояния традиции и инновации протекает непросто. Однако наметилась попытка переосмысления ислама в более широком социокультурном контексте, что должно в конечном итоге привести к более взвешенной позиции относительно роли религии в обществе вообще и в жизни изучаемых народов в частности. Начиная с 1990-х гг., выделяются три этапа в религиозной жизни суннитов: 1) 1990-е гг. – активная проповедническая деятельность салафитских течений, которая вызвала весьма неоднозначное отношение к процессу исламизации края у традиционных мусульман. Происходил рост антисалафитских (отчасти антиисламских) настроений. В Среднем Поволжье и Приуралье эти процессы протекали не столь стремительно, так как регион находился на периферии радикализации ислама. Конфликты между течениями не затрагивали значительной части татар и башкир, которые были настроены к религии либо индифферентно, либо не делали слишком серьёзных различий между салафитами и умеренными мусульманами в силу низкой религиозной грамотности; 2) конец 1990-х гг. – начало 2000-х гг. – столкновения мусульманских течений. Переосмысление роли ислама в обществе; 3) с конца 2000-х гг. по настоящее время – усиление роли умеренных мусульман, сглаживание радикальных позиций.

В третьей главе **«Современная религиозность суннитов Среднего Поволжья и Приуралья как результат трансформации традиционных верований»** исследованы основные тенденции религиозности татар и башкир в конце XX – начале XXI вв.

В первом параграфе «Особенности религиозности суннитов: традиции и инновации» показаны специфика современного религиозного мировоззрения суннитов в ПФО, отдельных его регионах, в условиях города, а также дифференциация религиозности татар и башкир в зависимости от уровня образования и социального статуса.

Среди суннитов к верующим себя отнесли 68,9 %, к колеблющимся – 22,61%, неверующим – 8,66%. Религиозная идентичность лиц с высшим образованием оказалась несколько ниже, чем у лиц со средним специальным и неполным высшим образованием. Заметна тенденция увеличения доли ве-

рующих среди наименее «стабильных» с профессиональной точки зрения и, соответственно, менее защищённых слоёв населения, чьи социализация и профессионализация либо ещё не завершились (студенты), либо не имеют строгой экономической привязки (безработные). Религиозность суннитов проявляется ситуативно и связана с отсутствием стабильности в социально-экономической сфере.

Конфессиональная идентичность общей выборки несколько выше, чем религиозная идентичность. 4,24 % опрошенных отнесли себя к православным, 8,3% – не соотносят себя ни с какой религией, по 0,18% – отнесли себя к тенгрианству, язычеству и буддизму. В ответах суннитов с разным социально-профессиональным статусом о конфессиональной идентичности проявилась та же закономерность, что и в религиозной идентичности, а именно – увеличение доли мусульман в наименее устойчивых с точки зрения статуса группах (студенты и безработные). Служащие и рабочие как характерные для города социально-профессиональные группы показали наибольшую долю лиц, не отнесших себя ни к какой религии, подтвердив представление о городе как о секулярной территории. Несмотря на низкий уровень религиозной идентичности, лица с высшим образованием продемонстрировали высокий уровень конфессиональной идентичности. Для них важнее причислять себя к мусульманам номинально, чем прикладывать усилия к соблюдению обрядов.

Региональные различия в религиозности также заметны. Они увеличиваются с востока на запад: то есть как бы при движении от казанских татар к мишарям. Наиболее высокую степень религиозности продемонстрировали татары Пензенской области, Чувашии и Самарской области. В этих регионах, особенно в Самарской области и Чувашии, сыграла роль мобилизационная религиозность, которая возникает как стремление меньшинства к сохранению своих специфических черт. Действительно, Самарская область и Чувашия относятся к регионам с наименьшей долей татар в этнической структуре населения. Считаем, что на особую роль ислама в Пензенской области оказали влияние высокие стартовые позиции региона в ходе религиозного возрождения в 80–90-е гг. XX в., проявившиеся в феномене села Елюзань, откуда вышла плеяда мусульманских лидеров, а также в близости влиятельного Саратовского муфтията. В Ульяновской области, в которой, хотя и функционировали мечети на протяжении всего советского этапа, исламские стереотипы поведения были сильно подорваны в связи с мифологемой «Ульяновск – Родина Ленина», имевшей антирелигиозные и секулярные последствия.

Наблюдаются серьёзные изменения в представлениях и обрядности суннитов, как следствие советского прошлого. Наиболее сильно от семидесятилетия атеизма пострадала ритуальная практика: около 48,2 % горожан признались, что не совершают молитвы дома. Лишь 16,5 % посещают мечеть регулярно, 50 % не посещают мечеть совсем. Читают исламскую лите-

ратуру и Коран лишь 37,5 % суннитов. Основной причиной сравнительно низкой популярности исламских книг и Корана является недоступность для большинства арабского языка. В обрядовой практике социально-профессиональный статус играет меньшую роль, чем в религиозной или конфессиональной идентичности. В частности, рабочие и служащие, демонстрирующие общий уровень первичной религиозности, в вопросах совершения молитв разошлись значительно. Всё это говорит о нелинейности распространения религиозности: первичная религиозность не всегда коррелирует с обрядностью.

89,3 % горожан отмечают Курбан-байрам и Рамазан. Однако за соблюдением ритуалов может скрываться незнание причин праздника, его смыслообразующих элементов. Для части суннитов институциональные нормы не являются приоритетными. Большее значение для них имеют нравственно-этическая сторона ислама и его роль в качестве составляющей национальной культуры.

Религиозность городских суннитов определяется также глобализацией мировых культурных процессов. Так, представление об Аллахе не всегда сохранилось исламское: часть респондентов местом локализации Аллаха называют самого человека, а также представляют его как квинтэссенцию понятий добра и зла. Около 56,25 % городских суннитов полагают, что души умерших могут оказывать определённое влияние на живых людей, хотя с позиций ислама подобное представление неприемлемо. Довольно широко распространена вера в реинкарнацию. По причине длительного взаимодействия православных народов с суннитами и в связи с низкой степенью религиозной грамотности некоторые христианские идеи также стали частью их религиозного мировоззрения. Некоторая часть суннитов хотя бы раз в жизни пребывали в состоянии религиозного поиска и даже меняли свою религию. Последняя тенденция очевиднее проявляется у башкир Башкортостана.

Во втором параграфе «Религиозный синкретизм «молодых» суннитов» рассмотрены особенности религиозности в среде «молодых» суннитов, вызванные возрастной и социальной спецификой.

Большинство опрошенных студентов называют себя верующими. По сравнению с религиозной идентификацией карачаевцев, верующих татар и башкир меньше, что подтверждает мысль о неравномерности религиозного ренессанса в стране. Религиозность татар и башкир в большей степени, чем у карачаевцев, нивелирована религиозностью соседних православных этносов, тесные культурные и бытовые контакты с которыми в пределах мозаичного и высоко-урбанизированного Волго-Уралья очевидны. Высокую степень религиозности карачаевцев можно объяснить также историческими причинами, например, депортацией. Подобные предположения не лишены основания, так как конфессиональная идентичность карачаевцев, как и многих других тюркских народов, настолько сильно переплелась с национальной идентичностью, что всякие посягательства на этнические свободы вос-

принимаются ими как покушения на религию предков. Сходный механизм объясняет и тот факт, что вслед за карачаевцами по степени религиозности следуют татары г. Ульяновска, которые относятся к субэтнической группе мишарей. Многие этнографы и социологи неоднократно обращали внимание, что мишари характеризуются высокой⁴⁴ религиозностью по сравнению с территориально близкими к ним казанскими татарами. Религиозный фактор в условиях иноконфессионального окружения играл для их идентичности несопоставимо большую роль, чем для казанских татар и башкир. Религиозность башкир оказалась несколько выше, чем у татар. Наибольшие различия в ответах отмечены при религиозной самоидентификации. Данный факт имеет два объяснения. Во-первых, башкиры в меньшей степени испытали на себе влияние деятельности православной миссии царской и имперской России, в связи с чем они практически не знают конфессиональной дезинтеграции, которая известна среди татар в форме особой этноконфессиональной группы кряшен. Во-вторых, формирование башкирской государственности требовало создания автономного духовного управления, где башкиры играли бы более весомую роль. Политически это проявилось в создании ДУМ РБ, а этнокультурно вылилось в повышенный интерес башкирской молодёжи к исламу.

Студенты, не отнёсшие себя к категории верующих, не отрицают религиозного – и шире – духовного поиска, для молодых людей в основной своей массе важно определиться со своим отношением к трансцендентному. Состояние мировоззренческой неопределённости студентов – это результат влияния мультикультурной и в то же время транснациональной среды города-миллионера, где вера уже не только наследуется по традиции, но и проходит испытание интеллектом и самой жизнью студенческой молодёжи. В г. Уфе на это накладывается также размытость этнической идентичности в данном регионе. Видимо, высокая первичная религиозность башкир, отмеченная выше, как раз связана со стремлением компенсировать размытость этнической идентичности. Вера в Аллаха проявляется ситуационно, в то время как категория «верующий» мыслится респондентами в качестве более осознанного выбора в пользу соблюдения практик и догматов ислама. Велика доля студентов, которые при внешней приверженности исламу почти не практикуют мусульманских обрядов.

На фоне высокого уровня первичной, во многом внешней, религиозности в мировоззрении башкирских и татарских студентов заметно влияние неисламских представлений. Выделяется группа представлений, связанных с православной культурой. Отчасти подобные «заимствования» из православия связаны с фактором многоконфессиональной семьи. Вторая группа

⁴⁴ Кильдеев М. Уровень мусульманской религиозности населения в Среднем Поволжье и Приуралье по данным советских социологических исследований (1966–1991) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 1. С. 136.

нетрадиционных представлений имеет неоязыческую природу. Среди опрошенных татар, верящих в душу, оказалось больше тех, кто относит себя к мусульманам, верит в Аллаха и считает себя верующим. Иными словами, представление о душе у незначительной части оказывается как бы вне конфессии и религии, что, на наш взгляд, является свидетельством нового отношения к трансцендентному. За демонстрируемой происламской ориентацией части студенческой молодёжи скрываются совсем неисламские сознание и поведение. Эта тенденция усиливается и имеющимися у студентов секулярными и откровенно атеистическими взглядами.

В третьем параграфе «Влияние суфизма на синкретизацию религиозности суннитов» отмечена размытость представлений о суфизме, создающая благоприятные условия для трансформации религиозности.

Несмотря на то, что суфизм – исламское религиозное течение, его можно рассматривать и как нетрадиционное для суннитов верование. Во-первых, не все мусульмане признают его, во-вторых, он качественно отличается от большей части исламских учений и школ своим особым отношением к эмоциональной жизни верующего человека, к его духовному поиску. Считаем, что суфии (ишаны) имели особый статус, который нельзя объяснить только выполнением функций указного муллы. Например, сохранились легенды о чудесах и мудрости суфиев, их способностях к врачеванию. Об особой роли суфизма в татарской среде говорит тот факт, что на его основе зародилось «Ваисовское движение». Влияние суфизма проявляется и в книжном пении, мунаджатах, обычно приуроченных к празднику Маулид-байрам – дню рождения Мухаммеда.

Влияние ишанов проявлялось также в массовом поклонении местам захоронения мусульманских святых. Места поклонений, или малых паломничеств, можно разделить на две группы: места захоронения суфиев и «святые» места, не связанные с деятельностью суфиев и, как правило, обязанные своим происхождением болгарской цивилизации. Начало XXI в. ознаменовалось возрождением паломничеств. С 2005 г. в селе Новые Зимницы ежегодно проводятся Хансаваровские чтения, связанные с памятью суфийского шейха, который похоронен здесь. Одним из программных мероприятий чтений является посещение зиярата (могилы) ишана. Отмечен интерес мусульманской общественности к возрождению суфийских традиций и в Татарстане. Так, 17 августа 2013 г. в мечети Анас г. Чистополя прошли чтения имени известного шейха тариката Накшбандия-халидия Мухаммадзакира хазрата Камалова⁴⁵. В Башкортостане также весьма активно происходит возрождение интереса к суфийской традиции: в 2011 г. в Миякинском районе у горы Нарыстау, близ села Ильчигулово установили мемориал спо-

⁴⁵В Чистополе прошли чтения имени шейха накшбандийского тариката Мухаммедзакира Чистави // Духовное управление Республики Татарстан. URL: <http://www.dumrt.ru/news> (дата обращения: 19.08.2013).

движникам пророка Мухаммеда⁴⁶. В Учалинском районе Башкортостана известно имя мусульманского деятеля Зайнуллы ишана. Ежегодно татары Чувашской Республики организуют поездки в святые места⁴⁷. Суфийская традиция малых паломничеств в большей степени характерна для татар, чем для башкир. Наибольшая доля посещений малых святых мест наблюдается среди татар Чувашии, Самарской области, Татарстана, Башкирии, Ульяновской области. Высокая доля совершавших малые паломничества среди татар вышеназванных регионов объясняется тем, что именно эти территории испытали на себе наибольшее влияние Волжской Булгарии.

Не имея возможности претендовать на главную движущую силу исламского ренессанса, суфизм зачастую воспринимается как культурная специфика ислама, его региональная или этническая черта. У умеренных суннитов существует несколько оценок суфизма, отличие которых друг от друга зависит от разницы в понимании данного явления. В одном случае суфизм трактуется как своеобразная высшая форма ислама, его идеал, к которому оттого следует относиться с особым пиететом. В другом случае суфизм представляется мусульманам как опасное отклонение от ислама, отколовшаяся ветвь, и отрицается.

В четвёртой главе **«Элементы язычества и христианства в современной религии суннитов Среднего Поволжья и Приуралья»** изучены особенности архаичных и заимствованных из христианства представлений, наблюдающихся у татар и башкир в современных реалиях.

В первом параграфе «Особенности исламо-языческого синкретизма суннитов» раскрыты архаичные представления, а также проанализированы возможные направления их эволюции.

Верящих в магию среди башкир ПФО оказалось больше, чем среди татар. Наибольшая доля верящих в магию наблюдается среди татар Башкирии и Чувашии, а также башкир Башкортостана, а наименьшая доля – среди татар Пензенской, Самарской областей и Мордовии. Такая география веры в магию связана с долей русского населения в данных регионах. Русская культура в большей степени секулярна, так как выполняет множество светских функций, и в регионах, где она явно доминирует, магические представления сильнее подвержены аннигиляции. Значительная часть опрошенных суннитов настроена к магам и колдунам положительно. Заметны и этнические различия по отношению к магам, колдунам и знахарям. Среди башкир ПФО и сопредельных территорий в положительном ключе к магам высказались больше респондентов, чем среди татар. Региональные различия отношения к магам, колдунам и знахарям в целом можно описать как по-

⁴⁶ В Миякинском районе установили мемориал сподвижникам пророка Мухаммеда // Башинформ URL: <http://www.bashinform.ru/m> (дата обращения: 17.06.2011).

⁴⁷ Хайруллин А. На берегу маленькой реки // Мусульмане Чувашии. URL: <http://www.islam21.ru/tormish> (дата обращения: 24.06.2014).

степенное уменьшение доли положительного отношения к ним с востока на запад. Исключение представляют татары Мордовии, среди которых доля положительного отношения несколько увеличивается, так как в этом регионе ислам, противостоящий язычеству, испытал наибольший кризис в советский период.

Распространено среди татар и башкир гадание: в меньшей степени среди башкир ПФО, в большей степени – среди татар ПФО. Гадательная практика представляет в основном новообразование, так как гадание на картах, выявленное анкетированием, нельзя считать традицией. А вот такие наиболее архаичные формы гадания, как гадание по снам или гадание по книге, остались лишь в фрагментарном виде. Доля лиц, гадавших по снам, сокращается с востока на запад, достигая максимума среди башкир Башкортостана и татар Татарстана и практически полностью отсутствуя в Пензенской области, Мордовии, Чувашии. Отметим большую долю святочных гаданий у татар и полное их отсутствие у башкир, что также наводит на мысль о некоторой изоляции башкирского этноса в религиозном плане до сего момента и известном росте интереса к религиозным вопросам, в том числе на материале христианства.

Нередко маги являются татарами и башкирами, исповедующими ислам. Значительная часть суннитов настроены скептически к действиям магов или не обращались к ним совсем, объясняя это большим грехом. Магическая сфера религиозности татар и башкир не лишена иноэтничного и иноконфессионального влияния, подвержена трансформации, внедрению в лексикон новых понятий. Особенно это заметно на фоне «исламизированного» шаманства карачаевцев, которое сохранило много архаичных черт.

Во втором параграфе «Служители культа и эволюция обрядов «исламизированного» шаманства» проанализированы степень сохранности обрядов архаичных культов и возможные пути их эволюции.

Самым ярким образцом существования вытесненного языческого элемента является магия, не все формы которой смогли ужиться с исламом. Слабая сохранность культа колдовства связана с его маргинальным положением не только на фоне ислама, но и на фоне служителей культа «исламизированного» шаманства. Они, в отличие от него, откровенно не противопоставляли себя социуму, хотя и не были лишены поведения и атрибутов, подтверждающих своё граничное положение между двумя мирами – человеческим и нечеловеческим.

К «исламизированному» шаманству относится магическое сновидение. Интересно, что сны наглядно характеризуют качество межконфессиональных взаимоотношений. В ряде случаев можно говорить о наличии сложного комплекса шамано-исламской обрядности, который проявляется в специфичной истории о снах, обрастающей целой системой языческих и исламских обрядов. Бытует у суннитов «китап ачтыру» (открытие книги). Данные

служители либо совмещали свои функции, либо специализировались на конкретных способах гадания.

О вторичности знахарства суннитов говорит тот факт, что оно часто существует с остаточными анимистическими представлениями о духах-виновниках болезни и о духах, помогающих лечению (душа-дыхание), в то время как типичная форма знахарства этих представлений лишена. Интересно, что в исламской культуре связью с духами, в том числе с джиннами, отличались, помимо знахарей «исламизированного» шаманства, также суфии. Обращает на себя внимание и то уважение, с которым относились сунниты вплоть до сегодняшнего дня к подобным служителям культа.

Взаимодействие исламской и языческой обрядности не исключает сохранения архаичных форм мировоззрения изучаемых народов. Существует ряд свидетельств, подтверждающих, что языческий элемент может быть на первом плане в религиозном культе. В среде татар и башкир сохранилось большое количество свидетельств о проявлениях порчи, способах её передачи, а также о людях, занимающихся её лечением. Лечение от болезней и порчи во всех случаях предполагает сочетание вербальных и невербальных действий. Зафиксированы случаи, когда молитва на арабском языке сочетается с текстом языческого заговора.

В третьем параграфе «Роль гендерного фактора исламо-языческой религиозности суннитов: специфика представлений и обрядности» отмечена системообразующая роль женщины в синкретизации религии.

Гендерная принадлежность весьма важна в религиозной идентификации. Положение женщины в контексте суннитской религиозной традиции весьма противоречиво. На протяжении веков она занимала особое место в ритуальной практике народной религии татар и башкир, выполняя обычно роль служительницы синкретичного культа «исламизированного» шаманства, будучи при этом лишённой возможности активного участия в официальной религиозной жизни. В 20-е гг. XX в. появилась тенденция к тому, чтобы приблизить женщин и к официальному исламу. В первую очередь, это касалось снятия запрета на посещение мечети женщинами. В постановлении заседания Мусульманского духовного управления от 12 мая 1925 г. было сказано, что в тех мечетях, где имеются отдельные входы и отдельные комнаты для женщин, посещение татарками мечети шариатом разрешается. Тем не менее, вопрос о непосредственном присутствии женщин в мечети долгое время оставался спорным и неоднозначным. Эта инаковость в восприятии женщины в суннитской среде проявилась и позднее на фоне религиозно-национального движения «Милли Меджлиса», которое выпустило обращение для мусульманских женщин. Сама попытка обращения к женщинам как особой религиозно-нравственной группе подтверждает глубинное, кодовое значение, практически на уровне архетипа, закрепившееся за мусульманками.

В ходе социологического исследования татар Ульяновской области выявлены гендерные различия в их религиозности. Женщины куда более склонны думать, что жизнь человека в основном зависит от Аллаха (77,4 %), в то время как мужчин, ответивших так же, оказалось намного меньше (33 %). Ещё больше разница в ответах на вопрос о ритуальной практике: ежедневно молящихся женщин насчитывается 34 %, а мужчин – только 14 %. У ортодоксальности женщин есть обратная сторона: они чаще, чем мужчины, синтезируют в своём мировоззрении магические и исламские элементы: верят в магию 47 % женщин и только 30 % мужчин. Аналогичное анкетирование проведено и среди карачаевской молодёжи, башкирской и татарской молодёжи г. Уфы, суннитов Среднего Поволжья и Приуралья. И у карачаевцев, и у суннитов проявились общие тренды в плане выбора ответа мужчинами и женщинами: знаниевая культура ислама (характерная для мужского мировоззрения) противопоставлена архаическим представлениям (характерным для женского мировоззрения).

В четвёртом параграфе «Взаимодействия суннитов с христианским окружением на микро- и макроуровнях» изучены особенности взаимовлияния мировоззрения татар и башкир с христианским и, в первую очередь, православным окружением.

Респондентам наиболее комфортно общаться, помимо мусульман, именно с православными людьми, а среди религий, представители которых осложняют обстановку в регионе, православие даже уступает исламу. Большинство межэтническая и межрелигиозная обстановка оценивается как дружественная, спокойная. Вместе с тем на уровне семейно-брачных отношений этноконфессиональные взаимодействия носят более сложный характер. Например, в общей выборке (2016 г.) большая часть (68,09 %) относится к межрелигиозным бракам положительно. Среди башкир ПФО и сопредельных территорий таковых ещё больше – 78,18 %. Наибольшая доля лиц, положительно относящихся к межрелигиозным бракам, наблюдается среди татар Мордовии и башкир Башкортостана. Безусловно, это важный показатель религиозной терпимости в этих этнотерриториальных группах. Интересно, что именно в них отмечены влияние православия, а также значительная доля лиц, считающих родным языком ненациональный. Меньшая доля, положительно настроенных к межрелигиозным бракам, наблюдается среди татар Пензенской области и Чувашии. Сложный характер этноконфессиональных взаимодействий на уровне семейно-брачных отношений проявляется в интервью с мусульманским духовенством, которое такие браки рассматривает как проблемное явление. Отношение рядовых верующих, особенно молодёжи, к межрелигиозным бракам – нейтральное. Высокая степень готовности к межэтническим и межрелигиозным контактам является одним из факторов, приводящих к смене вероисповедания этнических православных и этнических мусульман. В случае перехода от религии пред-

ков к новой религии нередко наблюдается радикализация взглядов и поведения соответствующего индивида.

Часто респонденты положительно относятся к православным праздникам, отмечая их в знак солидарности с родственниками, знакомыми. Среди общей выборки 8,73 % празднуют Рождество и Пасху, считая их священными, 22,1 % опрошенных празднуют их, скорее, потому что это принято в народе или семье, не празднуют большинство – 60,07 %. Среди башкир более чем в два раза больше тех, кто празднует православные праздники, считая их священными. Влияние православной обрядовой практики на религиозность в целом уменьшается с повышением уровня образования, где усиливается среди наименее защищённой категории населения – безработных. Наибольшая доля тех, кто празднует Рождество и Пасху из соображений толерантности, наблюдается среди лиц с высоким социально-профессиональным статусом (рабочие и служащие). Этнотерриториальные различия в праздновании также имеются. Наиболее распространено оно среди башкир, а также среди татар Татарстана.

Главной сферой влияния христианских идей являются компетенции в области религиозной культуры, а именно – представления об Иисусе. В общей выборке пророком его назвали 50,09 % респондентов, Богом – 25,67 %, обычной исторической личностью – 18,18 %. Исламская религиозная компетентность повышается вместе с уровнем образования татар и башкир, причём при ответе на вопрос об Иисусе эта зависимость ещё более очевидна, чем при ответе на вопрос о праздновании Рождества и Пасхи. Влияние православных идей, наоборот, уменьшается с повышением уровня образования. Проникновение православных идей к суннитам происходит также через наименее защищённые социальные слои (студенты, безработные). Кроме того, среди студентов зафиксирована наибольшая доля лиц не только с неисламским, но и с нерелигиозным сознанием.

В Заключении подведены итоги исследования. На современном этапе процессы синкретизации религии всё чаще происходят под влиянием диалектического процесса глобализации-индивидуализации. Эти процессы связаны не только со сложным положением ислама во времена Советского Союза и последующим его возрождением, но и общей демократизацией общества. В современных условиях религиозные мировоззрения суннитов обнаруживают в себе влияния представлений православия и других религий.

У суннитов существуют пять групп, которые различаются между собой по степени развития религиозного синкретизма, а также по отношению к исламу и религии вообще: 1) «номинальные», или «этнические», мусульмане, идентифицирующие себя с исламом, но не исполняющие большинства мусульманских обрядов. Они верят в Аллаха, существование человеческой души, но идентифицируют себя с исламской культурой во многом, поскольку традиционной религией суннитов является ислам. Для представителей этой группы характерны все виды религиозного синкретизма; 2) «ре-

альные», или практикующие, мусульмане, для которых религиозность ассоциируется с прямыми источниками исламской религии; 3) «переходная группа», представители которой исполняют большую часть исламских норм, но при этом демонстрируют меньший интерес к более глубокому познанию суннитского ислама. Зачастую группа представляет собой религиозную субкультуру; 4) «внеконфессиональная» группа, у представителей которой отсутствуют ярко выраженные религиозные предпочтения, мировоззрение их скорее атеистическое, отсутствует даже первичный уровень религиозности (вера в Аллаха, отнесение себя к мусульманам), но может присутствовать вера в душу; 5) «неисламская группа», которая состоит из бывших суннитов, осознанно перешедших в другую религию или придерживающихся откровенно неисламских взглядов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

*Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах,
определенных ВАК при Минобрнауки России:*

1. Идиатуллов, А. К. Рапорты приходских благочинных как источник для выявления специфики религиозности отдельных территориальных групп мишарей Симбирской губернии в конце XIX – начале XX в. / А. К. Идиатуллов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2009. – № 2. – С. 134–136 (0,18 п.л.).
2. Идиатуллов, А. К. Эволюция религиозного синкретизма татар-мишарей Ульяновской области / А. К. Идиатуллов // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 1. – С. 35–42 (0,5 п.л.).
3. Идиатуллов, А. К. Современная религиозность городских тюрков-мусульман Среднего Поволжья и Приуралья / А. К. Идиатуллов // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2012. – № 11. – Т. 2 (27). – С. 136–144. (0,56 п.л.)
4. Идиатуллов, А. К. Синкретичная религиозность татар-мусульман Ульяновской области / А. К. Идиатуллов // Религиоведение. – 2012. – № 3. – С. 40–49. (0,63 п.л.)
5. Идиатуллов, А. К. Взаимодействие исламских и шаманских представлений в народной медицине татар Среднего Поволжья / А. К. Идиатуллов // Глобальный научный потенциал. – 2013. – № 8. – С. 34–36. (0,18 п.л.)
6. Идиатуллов, А. К. «Исламизированное» шаманство карачаевцев (анализ интервью карачаевской интеллигенции) / А. К. Идиатуллов // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 1 (43). – С. 337–344. (0,56 п.л.)

7. Идиатуллов, А. К. Религиозность карачаевских студентов / А. К. Идиатуллов // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – С. 718 (0,06 п.л.)
8. Идиатуллов, А. К. Взаимодействие татар Ульяновской области с иноконфессиональным окружением / А. К. Идиатуллов // Исламоведение. – 2014. – № 3. – С. 45–51 (0,44 п.л.)
9. Идиатуллов, А. К. К вопросу о роли ислама в этнической идентификации татар Ульяновской области / А. К. Идиатуллов // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 9. – Т. 2. – С. 224–228. (0,25 п.л.)
10. Идиатуллов, А. К. Религиозность русского населения г. Ульяновска в начале XXI в. / А. К. Идиатуллов // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 1. – Т. 4 (61). – С. 135–138 (0,25 п.л.)
11. Идиатуллов, А. К. Специфика женской религиозности у тюрков-мусульман России (на примере татар, башкир и карачаевцев) / А. К. Идиатуллов // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 632 (0,25 п.л.)
12. Идиатуллов, А. К. Исламское возрождение в среде татар Ульяновской области : рост религиозности и внутриконфессиональные проблемы / А. К. Идиатуллов // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2015. – № 2. – С. 179–187 (0,56 п.л.)
13. Идиатуллов, А. К. Религиозность казахов России в начале XXI века / А. К. Идиатуллов // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 95–98. (0,25 п.л.)
14. Идиатуллов, А. К. Религиозность студентов Уфы (на примере башкир и татар) / А. К. Идиатуллов // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 399. – С. 63–66 (0,25 п.л.)
15. Идиатуллов, А. К. Синкретичная религиозность кумыков и ногайцев в начале XXI в. / А. К. Идиатуллов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 3 (41). – С. 115–120 (0,44 п.л.)
16. Идиатуллов, А. К. Неофициальная религиозность «мусульманских» народов Среднего Поволжья и Приуралья в 1960-1970-е годы / А. К. Идиатуллов, Л.Н. Галимова // Самарский научный вестник. – 2016. – № 2 (15). – С. 126–130 (0,31 п.л.)
17. Идиатуллов, А. К. Традиционная духовная культура в полиэтничном регионе (на примере г. Ульяновск) / А. К. Идиатуллов // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 2. – С. 82–87 (0,37 п.л.)
18. Идиатуллов, А. К. Новая религиозность студентов Уфы (на примере башкир и татар) / А. К. Идиатуллов // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 2. – С. 88–92 (0,31 п.л.)
19. Идиатуллов, А. К. «Священные» объекты татар и башкир Среднего Поволжья и Приуралья / А. К. Идиатуллов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 52. – С. 89–94 (0,37 п.л.)

20. Идиатуллов, А. К. Этнокультурная и религиозная ситуация в Цильнинском районе Ульяновской области / А. К. Идиатуллов // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 85–92 (0,5 п.л.)

21. Идиатуллов, А. К. География сакральных локусов социально-культурных ландшафтов в полиэтничном регионе (на примере Симбирско-Ульяновского Поволжья) / А. К. Идиатуллов, М. Ю. Аксенова, В. Н. Фёдоров // Российский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 3. – С. 207–216 (0,625 п.л.)

22. Идиатуллов, А. К. Этнокультурная и религиозная ситуация в Николаевском районе Ульяновской области / А. К. Идиатуллов, Л. А. Таймасов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2018. – № 1 (45). – С. 103–107 (0,5 п.л.)

Монографии:

23. Идиатуллов, А. К. Духовная культура татар-мишарей Ульяновской области (в контексте проблемы религиозного синкретизма) / А. К. Идиатуллов. – Ульяновск : УлГТУ, 2010. – 172 с. (10,7 п.л.)

24. Идиатуллов, А. К. Синкретичная религиозность мишарей Ульяновской области / А. К. Идиатуллов. – Саарбрюккен : LAP LAMBERT Academic publishing GmbH & Co. KG, 2011. – 208 с. (13 п.л.)

25. Идиатуллов, А. К. Синкретичная религиозность тюрков-мусульман России (на примере поволжских татар, башкир и карачаевцев) / А. К. Идиатуллов. – Ульяновск : УлГУ, 2013. – 140 с. (8,75 п.л.)

26. Идиатуллов, А. К. Трансформация традиционной духовной культуры в полиэтничном регионе (на примере русских и татар Ульяновской области) / А. К. Идиатуллов. – Ульяновск : УлГТУ, 2014. – 75 с. (4,68 п.л.)

27. Идиатуллов, А. К. Татары Ульяновской области : тенденции религиозного возрожденчества и этничность / А. К. Идиатуллов // Татары и ислам в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и этничность / отв. ред. Р.Н Мусина. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – 348 с. (2,44/19,31 п.л.)

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

28. Идиатуллов, А. К. Тюркский компонент религиозного синкретизма татар / А. К. Идиатуллов // Актуальные вопросы экономики, социальной сферы и образования : материалы науч.-практич. конф. с междунар. участием. – Ульяновск : УлГПУ, 2009. – С. 53–57 (0,3 п.л.)

29. Идиатуллов, А. К. Новые подходы в изучении религиозного синкретизма татар-мишарей / А. К. Идиатуллов // Современные проблемы эволюции : XXIII Люблинские чтения. – Ульяновск : УлГПУ, 2009. – С. 258–262 (0,3 п.л.)

30. Идиатуллов, А. К. Особенности религиозного синкретизма татар-мишарей Ульяновской области в различных возрастных группах / А. К. Идиатуллов // Человек в российской повседневности : история и современ-

ность : сб. ст. II междунар. науч.-практ. конф. / МНИЦ ПГСХА. – Пенза : РИО ПГСХА, 2009. – С. 129–132 (0,21 п.л.).

31. Идиатуллов, А. К. О неоднородности мишарского населения Симбирской губернии в конце XIX – нач. XX вв. / А. К. Идиатуллов // Российская молодёжь – будущее науки : сб. материалов всерос. студенческой науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Ульяновск : УлГПУ, 2009. – С. 70–73 (0,25 п.л.).

32. Идиатуллов, А. К. Ислам и язычество как компоненты религиозного синкретизма татар-мишарей / А. К. Идиатуллов // Вестник Ульяновского государственного педагогического университета : сб. ст. – Ульяновск : УлГПУ, 2009. – Вып. 5. – С. 121–126 (0,38 п.л.).

33. Идиатуллов, А. К. Гендерные аспекты религиозного синкретизма татар-мишарей / под общ. ред. канд. пед. наук Ю. С. Кузнецовой / А. К. Идиатуллов // Социально-гуманитарное знание : теория и практика : материалы всерос. науч.-практ. конф. – Ульяновск : Изд-во «Вектор-С», 2009. – С. 101–102 (0,07 п.л.).

34. Идиатуллов, А. К. Религия : личностное, трансперсональное, мистическое / А. К. Идиатуллов // Современные проблемы экологии и эволюции : XXIV Люблинские чтения. – Ульяновск : УлГПУ, 2010. – С. 225–230 (0,28 п.л.)

35. Идиатуллов, А. К. Влияние суфизма на духовную культуру мишарей Ульяновской области / А. К. Идиатуллов // Вестник Ульяновского государственного педагогического университета : сб. ст. – Ульяновск : УлГПУ, 2010. – Вып. 6. – С. 158–164 (0,43 п.л.)

36. Идиатуллов, А. К. Эволюция религиозности татар-мишарей Ульяновской области в конце XIX – начале XXI вв./ А. К. Идиатуллов // Вестник Ульяновского государственного педагогического университета. – 2011. – Вып. 7. – Т. 1. – С. 138–143 (0,38 п.л.)

37. Идиатуллов, А. К. Современный религиозный синкретизм народов Среднего Поволжья (на примере национально-смешанных семей татар-мишарей Ульяновской области) / А. К. Идиатуллов, Л. П. Шабалина // Вестник Ульяновского государственного педагогического университета. – 2011. – Вып. 7. – Т. 1. – С. 135–137 (0,095/0,095 п.л.)

38. Идиатуллов, А. К. Современная и традиционная религиозность татар-мусульман Ульяновской области / А. К. Идиатуллов // Инновационные проекты аспирантов и молодых учёных в области социально-гуманитарных наук : сб. тезисов инновационных проектов аспирантов и молодых ученых по результатам всерос. конкурса инновационных проектов аспирантов и молодых ученых в области социально-гуманитарных наук в рамках всерос. фестиваля науки. – Ульяновск : УлГУ, 2011. – С. 325–328 (0,25 п.л.)

39. Идиатуллов, А. К. Влияние антирелигиозной политики на духовную жизнь татар-мишарей Ульяновского Поволжья в 20–40-е гг. XX в. / А. К. Идиатуллов // Полиэтнические регионы России : социально-

экономическое развитие в переходные и кризисные периоды : материалы всерос. науч. конф. (29–30 июня 2011 г., г. Саранск). – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2011. – С. 190–198 (0,56 п.л.)

40. Идиатуллов, А. К. Синкретичная религиозность татар-мишарей Симбирской губернии в конце XIX – начале XX вв. / А. К. Идиатуллов // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья : материалы всерос. науч. конф. «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – Вып. 2. – С. 334–338 (0,3 п.л.)

41. Идиатуллов, А. К. Синкретичные исламо-языческие представления тюрков-мусульман Среднего Поволжья и Приуралья / А. К. Идиатуллов // Общественные науки в современном мире : социология, политология, философия и история : материалы междунар. науч.-практич. конф. (23 апр., 2012 г., г. Новосибирск). – Новосибирск : Изд-во Сибирская ассоциация консультантов, 2012. – С. 138–141 (0,25 п.л.)

42. Идиатуллов, А. К. Магические представления тюрков-мусульман (на примере татар и башкир Ульяновской области, Казани и Уфы) / А. К. Идиатуллов // Научная дискуссия : вопросы социологии, политологии, философии, истории : материалы V междунар. науч.-практич. конф. (18 сент. 2012 г., г. Москва). – М. : Международный центр науки и образования, 2012. – С. 33–37 (0,31 п.л.)

43. Идиатуллов, А. К. Квазиобщность сновидения, архетипа и религиозного синкретизма в современной духовной культуре татар-мусульман / А. К. Идиатуллов // Университетское образование : культура и наука : материалы междунар. молодёжного научного форума : 14-15 июня. Часть I / отв. ред. А.П. Шмакова. – Ульяновск : УлГПУ, 2012. – С. 204–209 (0,38 п.л.)

44. Идиатуллов, А. К. Амбивалентная религиозная идентичность жителей Уфы / А. К. Идиатуллов // Географическая наука и образование : интеграция теории и практики : материалы междунар. заочной науч.-практ. конф. – Ульяновск : УлГПУ, 2012. – С. 69–71.

45. Идиатуллов, А. К. Опыт преподавания мусульманского вероучения в с. Старое Зелёное Старокулаткинского района Ульяновской области / А. К. Идиатуллов, Ф. Р. Бикбаев // Наука и образование XXI века : теория и практика : материалы VIII междунар. науч.-практич. конф. (15-17 окт. 2013 г., г. Донецк). – Донецк : ООО «Цифровая типография», 2013. – С. 23–25 (0,1/0,09 п.л.)

46. Идиатуллов, А. К. Современный религиозный синкретизм тюрков-мусульман Ульяновска, Казани и Уфы / А. К. Идиатуллов // X конгресс этнографов и антропологов России : тезисы докладов. – М. : ИЭА РАН, 2013. – С. 151 (0,06 п.л.)

47. Идиатуллов, А. К. Религиозность студентов Казани / А. К. Идиатуллов // Географическая наука и образование: интеграция теории и практики :

материалы всерос. науч.-практич. конфер. (29 мая 2013 г., г. Ульяновск). Ульяновск : УлГПУ, 2013. – С. 76–79 (0,25 п.л.)

48. Идиатуллов, А. К. Сохранность элементов традиционной культуры в Старомайновском районе Ульяновской области / А. К. Идиатуллов, К. Ю. Волкова // Этнические взаимодействия в поликультурных регионах России : материалы I всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (11 сент., 2011 г., г. Ульяновск). – Ульяновск : ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2014. – С. 59–62 (0,15/0,1 п.л.)

49. Идиатуллов, А. К. Современное взаимодействие карачаевцев с немусульманскими религиозными течениями (на примере Карачаевского городского округа) / А. К. Идиатуллов // Этнические взаимодействия в поликультурных регионах России : материалы I всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (11 сентября, 2014 г., г. Ульяновск). – Ульяновск : ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2014. – С. 62–66 (0,25 п.л.)

50. Идиатуллов, А. К. Отношение к суфизму у тюрков-мусульман России / А. К. Идиатуллов // Взаимодействие органов власти, общественных объединений и образовательных учреждений по гармонизации этноконфессиональных и межнациональных отношений : региональный аспект : сб. науч. тр. междунар. науч.-практич. конф. / под ред. Г. Ж. Фахрутдиновой. – Казань : РИЦ Школа, 2015. – С. 149–152 (0,25 п.л.)

51. Идиатуллов, А. К. Взаимодействие исламских течений в Карачаевском городском округе в конце XX – начале XXI в. / А. К. Идиатуллов // Социологические исследования. – 2016. – № 2 (382). – С. 129–135. (0,44 п.л.)

52. Идиатуллов, А. К. Религиозность татар и башкир Волго-Уралья / А. К. Идиатуллов // XI конгресс этнографов и антропологов России : сб. материалов (3-6 июля 2017 г., г. Ижевск). – М. : ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. – С. 362 (0,06 п.л.)

53. Идиатуллов, А. К. География первичной религиозности татар и башкир Среднего Поволжья и Приуралья / А. К. Идиатуллов // Трёшниковские чтения – 2017 : Современная географическая картина мира и технологии географического образования. – Ульяновск : УлГПУ, 2017. – С.55 (0,06 п.л.)

54. Идиатуллов, А. К. Обзор становления религиозных центров Ульяновской области на примере мечетей / А. К. Идиатуллов, И. Н. Хаматгалиев // История и культура Поволжья глазами молодых учёных России : материалы регион. науч.-практ. конф. – Ульяновск : ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2017. – С. 186–189 (0,29 п.л.)

55. Идиатуллов, А. К. Этнокультурная география Павловского района Ульяновской области / А. К. Идиатуллов // Науки о Земле : от теории к практике (Арчиновские чтения-2017). – Чебоксары : ИД Среда, 2017. – С. 165–175 (0,68 п.л.)

Идиатуллов Азат Корбангалиевич

**ДИНАМИКА РЕЛИГИОЗНОГО СИНКРЕТИЗМА СУННИТОВ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В XX – НАЧАЛЕ XXI В.**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Подписано в печать 18.02.2019 г. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура TimesNewRoman. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Усл. печ. л. 2,0. Тираж 100 экз.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «Новое Время»
428034, г. Чебоксары, ул. Мичмана Павлова, 50/1